

Яна Зорина

Кузнец молчащих замков

«Автор»

2026

Зорина Я.

Кузнец молчащих замков / Я. Зорина — «Автор», 2026

Раз в семь лет ярмарка Серебряного Горна открывается на одну ночь. Кузнец Терен Яров приходит туда чинить созданные им молчащие замки — железные сосуды для желаний, которые люди не решились произнести. Каждый замок дарит владельцу буквальное чудо. И каждый тайно отнимает год памяти у случайного человека. Когда среди пострадавших оказывается сестра Терена, мастер узнаёт: скрытую цену вырезал в насечке прежний заказчик, но действующей её сделало именно кузнечное клеймо. До рассвета Терен должен найти восемь ключей, заставить владельцев открыто назвать выгоду и цену и остановить новые взыскания. Однако Литой Свидетель не злодей, которого можно победить: он безупречно соблюдает договор — даже если тот несправедлив. «Кузнец молчащих замков» — самостоятельный роман о ремесле и ответственности, взрослом брате и сестре, цене чудес и праве человека самому решать, как прикасаться к утраченному прошлому.

© Зорина Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Заказ без слова	6
Глава 2. Год, которого не было	14
Глава 3. Замок исполняет буквально	23
Глава 4. Литой Свидетель	32
Глава 5. Восемь ключей до рассвета	42
Глава 6. Слово под железом	48
Глава 7. Сестра помнит пустоту	57
Глава 8. Дом без ссоры	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Яна Зорина

Кузнец молчащих замков

От автора

Мы часто считаем молчание отсутствием поступка. Не сказал — значит, не солгал. Не спросил — значит, не нарушил чужую волю. Не прочитал мелкую строку — значит, отвечать должен тот, кто её написал.

В этой истории молчание получает железный корпус, ключ и цену. Кузнец Терен умеет запирать слова, которые люди не решились произнести, но долго не спрашивает, кто платит за исполнение их желаний. За одну ночь ему придётся открыть собственную работу и назвать вслух то, что удобнее было считать чужой хитростью.

Ярмарка Серебряного Горна подчиняется буквальным договорам. Здесь нельзя отменить прошлое красивым признанием или вернуть память приказом. Можно лишь увидеть конкретную потерю, спросить конкретного человека и сделать следующий выбор без спрятанной строки.

Это роман о ремесле, ответственности и семейной близости, которая не обязана превращаться в немедленное прощение. О том, что сказанное слово бывает опасным, но несказанное тоже способно работать — особенно если кто-то уже выковал для него замок.

Глава 1. Заказ без слова

Колокол на восточной башне ударил один раз, и дорога под сапогами Терена стала серебряной.

Не посветлела — именно стала серебряной, будто кто-то вытянул из-под осенней грязи длинную полосу холодного металла. Колеи затянулись. Камни спрятались. За спиной остались мокрые поля, впереди поднялись шатры, которых минуту назад не было: красные, синие, чёрные, в золотых заплатах, в медных бубенцах, с вывесками на языках, которых Терен не умел читать. Между ними уже горели жаровни. Уже кричали торговцы. Уже пахло горячим маком, конским потом, дымом можжевельника и тем особенным железным жаром, по которому кузнец узнаёт работу даже во сне.

Ярмарка Серебряного Горна открылась.

Терен остановился на краю дороги и поправил ремень ящика. Тот тянул плечо вниз: три молотка, клещи, зубила, напильники, связка пустых ключевых бородок, горсть угля из собственной кузницы. Всё, чем он привык исправлять железо. Ничего, чем можно исправить семь лет молчания.

На дубовом столбе у дороги висела дощечка:

«До третьего удара вход свободен. После третьего — за одно воспоминание».

Под надписью кто-то приписал углём: «Не самое дорогое выбираете вы».

Терен прошёл мимо до второго удара.

В прошлый раз он въезжал сюда в телеге Ревеля Сухого, сидел на мешках с заготовками и считал себя самым удачливым мастером уездного города. В тридцать один год получить заказ на восемь ярмарочных замков было всё равно что услышать своё имя из уст князя. Другие кузнецы умели подковывать лошадей, тянуть обручи на бочки, ковать петли и решётки. Терен тоже умел. Но только под его молотом несказанное слово входило в металл и оставалось там, не рассыпаясь эхом.

Ревель тогда сказал: «Я принесу желания. Ты дашь им крепкие дверцы».

Терен спросил о толщине дужек, о числе оборотов ключа, о сроке, о плате. О цене чудес не спросил.

Теперь в кармане у него лежало письмо без подписи. Бумага за неделю успела напитаться запахом угля.

«Первый из восьми заедает. Если не починишь до полуночи, замок возьмёт вторую плату. Лавка лёгких товаров, шестой ряд».

Он мог бы сжечь письмо. Почти сжёг. Поднёс к горну, дождался, пока уголок скрутится от жара, а потом выдернул и затоптал. На обороте проступило его старое клеймо: маленькая наковальня с раздвоенным рогом. Так же были помечены все восемь замков.

Седьмую годовщину собственной работы нельзя переждать дома.

У ворот сидели три сборщика в белых масках. Один считал людей, второй — телеги, третий записывал в книгу тех, кто обещал расплатиться на обратном пути. Ни один не остановил Терена. На ярмарке знали его клеймо, даже если лица не помнили.

Шестой ряд начинался за каруселью, на которой вместо деревянных коней кружились двери. Каждая открывалась в чужое место: в снежный двор, в летнюю кухню, на палубу под грозой. Люди платили медяк, садились на порог и делали один круг, стараясь не свалиться между мирами. Терен не смотрел долго. На Серебряном Горне всякое чудо сначала казалось безделушкой. Вопрос о цене приходил позже, когда музыка уже смолкала.

Лавку лёгких товаров он узнал по толпе.

Над прилавком висели чугунные сковороды, мельничные жернова, сундуки и два якоря. Они покачивались на тонких нитях, словно детские игрушки. Хозяин лавки, круглый человек в жёлтом кафтане, снимал одной рукой жернов и передавал покупателю.

— Держите, госпожа. Пока моя печать цела, тяжелее каравая не будет.

Покупательница подхватила жернов, ахнула и засмеялась. Толпа одобрительно загудела.

Терен увидел замок сразу. Тот висел на поясе хозяина рядом с кошельком: тёмное железо, квадратный корпус величиной с ладонь, дужка в три пальца толщиной. На лицевой пластине поблёскивала наковальня с раздвоенным рогом. Из замочной скважины через равные промежутки вылетала белая искра.

Заедает, говорилось в письме.

Нет. Замок уже пытался открыться.

Терен протолкнулся к прилавку.

— Сними его.

Хозяин перестал улыбаться, но лишь на миг. Он поставил жернов на ладонь и поднял над головой.

— А вот и наш прославленный мастер! Терен Яров собственной персоной. Семь лет я рассказывал покупателям, чьи руки дали моим товарам лёгкость. Семь лет, мастер. И ни одной поломки.

Белая искра снова выскочила из скважины и обожгла край жёлтого кафтана.

— Теперь есть поломка. Сними замок, Сивер.

— После показа.

— Сейчас.

Сивер осторожно опустил жернов. Улыбка у него осталась, а глаза сделались плоскими.

— Ты получил письмо и пришёл чинить. Вот и чини. Не распоряжайся моей торговлей.

Терен обошёл прилавок. Толпа разочарованно заворчала: люди почуяли не чудо, а спор ремесленников. Такое можно было увидеть на любой городской площади бесплатно.

— Чтобы открыть корпус, мне нужно услышать слово, которое ты запер.

— Ты не спрашивал его семь лет назад.

— Семь лет назад замок был цел.

Сивер прикрыл его ладонью.

— И сейчас цел.

Внутри щёлкнуло. Не так, как щёлкает пружина. Звук был влажный, тихий, похожий на движение языка во рту.

Терен положил ящик на землю.

— Он повторяет желание. Пока без голоса. Когда повторит вслух, исполнит его ещё раз и возьмёт плату ещё раз.

— Чью плату?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Терен посмотрел на хозяина лавки. Сивер знал больше, чем показывал. Возможно, все владельцы знали. Возможно, один кузнец семь лет прожил в удобной уверенности, что чудо кормится тем, кто его пожелал.

— Твою, — ответил он так, как отвечал прежде. — Чью же ещё?

Сивер отвёл взгляд.

На площади ударил третий колокол. Ворота ярмарки закрылись. Серебряная дорога за шатрами свернулась узкой лентой, поднялась в воздух и исчезла в пасти каменного горна над воротами. До рассвета никто не мог уйти.

Толпа поредела. Покупательница положила жернов на прилавок и поспешила прочь. Без руки Сивера тот грохнул так, что доски прогнулись.

— За занавес, — процедил торговец.

В задней половине лавки стояли весы, коробки с печатями и узкая жаровня. Терен зажёл от неё лучину, поставил переносную наковальню на колоду и разложил инструменты по длине. Сначала молотки. Затем щупы. Клещи справа, чтобы не искать рукой. Рабочее место успокаивало лучше любых оправданий.

Сивер отстегнул цепь от пояса, но замок не отдал.

— Скажи желание, — повторил Терен.

— Почини без этого.

— Я ковал восемь корпусов. В каждом слово держит особая скоба. Одно просится наружу через дужку, другое — через ключ, третье греет стенку. Если ударю не туда, выпущу его.

— Ты мастер или уличный лудильщик?

— Мастер потому и спрашиваю.

Сивер вытер шею платком. В задней части лавки было холоднее, чем снаружи, но по его вискам текли две ровные струйки.

— Мне обещали, что произносить не придётся.

— Кто обещал?

— Ты.

Терен помнил стол Ревеля, восемь листов, лежавших текстом вниз. Помнил маленькие свёртки, из которых по одному выпускали несказанные слова. Они выглядели как пар на морозе и сразу тянулись к разогретому железу. Помнил указание не слушать: хозяева платят за тайну, мастер не должен знать их желаний. Это казалось честным правилом.

Он не помнил, чтобы обещал вечное молчание. Но и возразить не мог.

— Тогда замок останется закрытым.

— А вторая плата?

— Будет взыскана в полночь.

— Сделай так, чтобы не была.

— Назови слово.

— Нет.

За полотняной стеной зазывала выкрикивала цену шерстяных плащей. Где-то смеялись. Ярмарка разгоралась, словно обычный праздник, а между пальцами Сивера белыми иглами пробивалось чужое желание.

Терен протянул руку.

— Хотя бы дай осмотреть.

Сивер долго держал замок, будто Терен мог унести не железо, а его тайну. Потом всё же разжал пальцы.

Корпус оказался холодным. Это было хуже жара. Рабочий замок принимал тепло ладони, неисправный мог обжечь, но только тот, из которого слово уже почти ушло, вытягивал тепло сам. Терен поднёс его к уху. Внутри шуршало что-то мягкое.

Он вставил самый тонкий щуп в отверстие под дужкой. Щуп вошёл на ноготь и упёрся. Терен повернул замок боком. В углублениях декоративной насечки лежала чёрная пыль.

— Ты открывал корпус?

— Не умею.

— Ронял?

— Нет.

— Давал другому мастеру?

— Я не дурак.

Терен поскрёб насечку ногтем. Пыль пахла жжёной бумагой. Семь лет назад этих мелких знаков не было — или он не заметил их под слоем синей кузнечной краски. Завитки шли по краю, притворяясь узором из листьев. На одном листе виднелись крошечные зубцы, слишком ровные для украшения.

Он достал лупу в медной оправе.

— Что там? — спросил Сивер.

— Письмо.

— Какое письмо?

— Такое мелкое, чтобы кузнец принял его за царапины.

Сивер рванулся забрать замок. Терен перехватил его за запястье.

И тогда корпус заговорил.

Сначала выдохнул. Потом голосом Сивера, только моложе на семь лет, ясно сказал:

— Пусть всякая тяжесть в моей руке станет легче пуха.

Сивер дёрнулся так, что опрокинул коробку с печатями.

В передней половине лавки что-то рухнуло. Послышались крики. Терен выпустил торговца и откинул занавес.

Все подвешенные вещи взлетели. Сковороды кружились под крышей. Сундуки бились о полотнище. Якорь проткнул навес и ушёл в ночное небо, волоча за собой нить. Покупатели пригибались и ползли к выходу.

Посреди прохода стоял мальчик лет десяти. Он вцепился обеими руками в деревянную лошадку, которую прежде едва тащил на верёвке. Теперь игрушка рвалась вверх вместе с ним.

Терен прыгнул через прилавок, схватил мальчика за пояс и прижал к полу. Лошадка выскользнула, ударила копытами по балке и разлетелась на щепки.

— К матери беги!

Мальчик не слышал. Терен развернул его к выходу и подтолкнул. Какая-то женщина подхватила ребёнка, прижала к себе.

— Сивер! — крикнул Терен. — Не бери ничего в руки!

Поздно. Торговец отбрасывал в сторону рухнувшую стойку. Едва его ладонь коснулась дерева, стойка взмыла и ударила женщину по плечу. Она упала вместе с мальчиком.

Желание исполнялось буквально: всякая тяжесть в руке Сивера становилась легче пуха. Не только товар. Не только то, что он хотел продать. Всё.

Замок в руке Терена задрожал. Из скважины потянулась белая нить и пошла над головами людей, не касаясь никого. Она искала плату.

— Ключ! — Терен обернулся. — Где ключ?

Сивер застыл среди летающих сковород.

— Ревель велел не носить рядом.

— Где он?

— В кассе.

Касса оказалась железным ящиком под прилавком. Терен дёрнул крышку — заперто. Ударил ребром ладони, выругался, вытащил зубило. В обычной лавке он потратил бы минуту. Здесь белая нить уже выползла наружу на длину руки.

Первый удар смял петлю. Второй сорвал головку заклёпки. На третьем крышка отлетела.

Внутри лежали деньги, долговые расписки, две связки чужих писем и длинный ключ с квадратным ушком. Терен схватил его клещами, чтобы не коснуться насечки голой рукой, и вставил в замок.

Ключ не повернулся.

— Слово уже вышло, — сказал Сивер. — Ты опоздал.

Терен упёр замок в край прилавка. В его кузнице работу держали тиски, но ящик с малыми тисками остался за занавесом. Он прижал корпус коленом, навалился на ключ обеими руками. Железо сопротивлялось не силой пружины — упрямством сказанного условия. Закрыть его снова значило заставить произнесённое стать несказанным. Такого не бывает.

Зато можно было дать слову выход не через чудо.

— Повтори желание, — сказал Терен.

— Что?

— Громко. Сам. Не замок — ты.

Сивер отступил.

— Тогда все услышат.

Над ними лопнула верёвка. Три котла поплыли к проходу, медленно поворачиваясь, как чёрные луны.

— Уже слышали.

— Они не поймут.

— Женщина на полу поймёт. Мальчик поймёт.

Сивер посмотрел на покупателей. Кто-то придерживал пострадавшую за плечи. Она была в сознании, но лицо побелело от боли. Ребёнок стоял рядом, сжимая обломок деревянной ноги.

Белая нить коснулась края навеса и разделилась надвое. Один конец тянулся к воротам, другой — в глубину ярмарки. Терен никогда не видел, чтобы цена выбирала дорогу. Он думал, она входит в хозяина замка сразу, как клинок.

— Говори! — приказал он.

Сивер расправил кафтан, словно собирался снова встать за прилавок.

— Пусть всякая тяжесть в моей руке станет легче пуха.

Ключ дрогнул.

— Ещё.

— Пусть всякая тяжесть в моей руке станет легче пуха!

Терен повернул. На четверть оборота. На половину. Из-под лицевой пластины вырвался белый пар. Сковороды попадали разом. Один сундук проломил прилавок. Якорь снаружи рухнул на крышу соседней лавки, и оттуда донеслась брань.

Замок открылся.

Терен выдернул дужку и тут же почувствовал, как белая нить скользнула по его запястью. Не вошла — ощупала. В ней не было ни злобы, ни голода. Только выбор, совершаемый по правилу.

Нить метнулась к выходу.

На проходе стояла пожилая ткачиха в красном платке. В одной руке она держала корзину ниток, другой растерянно трогала воздух перед собой, будто искала невидимую дверь. Белая нить вошла ей под ухо и исчезла.

Ткачиха моргнула.

Корзина выпала из её руки. Катюшки покатались между ног покупателей.

— Госпожа? — позвал Терен.

Она посмотрела на него спокойно. Потом на свои пальцы. На красную нитку, привязанную к мизинцу.

— Почему я здесь? — спросила она.

Никто не ответил.

— Как вас зовут?

Ткачиха нахмурилась.

— Рада. Рада Лень. Я... — Она оглянулась на вывески. — Я шла на ярмарку с мужем.

Из толпы протиснулся сухой старик с мотками пряжи через плечо.

— Я здесь, Радушка.

Она отшатнулась.

— Не трогайте меня.

Старик остановился. Сначала улыбнулся, словно решил, что это шутка. Потом медленно снял руку с её локтя.

— Это я. Вень. Мы вместе пришли.

— Мой муж умер прошлой зимой.

— Рада...

— Я сама его хоронила.

Старик стал ниже ростом, хотя не согнулся. Люди вокруг отворачивались. На ярмарке любили смотреть, как исполняется желание. На плату смотреть было неприлично.

Терен опустил глаза на замок. По краю насечки светились крошечные знаки. Теперь он различал отдельные слова, но фраза уходила под пластину. «...случайного взрослого...» Дальше закрывал палец.

— Сивер, — сказал он. — Что ты отдал семь лет назад?

— Не знаю.

— Год памяти. Какой год ты потерял?

Торговец молчал.

— Какой?

— Никакой.

У Терена зашумело в ушах. Вокруг звенели упавшие сковороды, плакала от боли женщина, старик уговаривал жену вспомнить их нынешний дом, но все звуки словно отошли за толстую стену.

— Ты сказал, цена твоя.

— Это ты сказал.

— А ты не возразил.

— Ты не спрашивал.

Терен сжал замок так, что край пластины врезался в ладонь.

Сивер кивнул на Раду.

— Исправь. Ты ведь открыл его. Поверни обратно. Возьми у неё другой год, не тот, где муж жив.

Старик Вень услышал. Он повернулся к торговцу, и Терен успел встать между ними.

— Не подходите.

— Он украл у неё меня, — сказал старик без крика. — Я семь лет был с ней после своей смерти. Как это назвать?

Терен не знал.

Рада стояла в двух шагах, прижав красную нитку к губам. Нитка, вероятно, должна была напомнить ей, что купить. Или за кем присмотреть. Маленькая работа памяти против целого вырванного года.

— Я верну, — сказал Терен.

Сивер облегчённо выдохнул, будто обещание освобождало и его.

— Сегодня? — спросил Вень.

Терен посмотрел на открытую дужку, на надпись, спрятанную под декоративным листом, на белый след, уже погасший в воздухе.

Честный ответ был один.

— Я не знаю как.

Старик кивнул. Не с пониманием — отмечая услышанное.

Полотно у входа натянулось, хотя ветра не было. Зажжённые лампы разом пригнулись к земле. По железным вещам прошёл один ровный звон: по сковородам, петлям, пряжкам, гвоздям в столбах. Даже молотки в ящике Терена отозвались.

В проходе появился высокий человек в одежде цвета окалины. Вместо лица у него была гладкая маска, сложенная из свинцовых печатей. На каждой темнела буква. Когда он шагал, буквы менялись местами.

Люди расступались молча.

Терен узнал Литого Свидетеля. Семь лет назад дух стоял за креслом Ревеля и не произнёс ни слова, пока кузнец ставил клейма. Терен принял его за дорогую ярмарочную стражу.

Дух остановился перед открытым замком.

— Первое условие исполнено повторно, — сказал он голосом, в котором звенели сразу восемь ключей. — Вторая плата взыскана согласно записи.

Терен поднял замок, показывая насечку.

— Запись была скрыта.

— Но нанесена.

— Я не читал её.

— Но выковал.

— Мне дали готовый узор.

— Но выковал.

На это нечего было ответить. Дух не обвинял. Он называл действие.

Терен заставил себя посмотреть на Раду, а не на своё клеймо.

— Верни ей год.

Печати на маске сдвинулись. Из букв сложилось слово «НЕТ» и тут же распалось.

— Исполнение совершено. Плата принята.

— Тогда возьми чудо обратно.

— Владелец должен отказаться добровольно.

Все взгляды повернулись к Сиверу.

Тот прижал руки к груди.

— Замок открыт. Чудо уже прекратилось.

— Повторное исполнение прекращено, — сказал Литой Свидетель. — Первое сохраняется до добровольного отказа владельца либо разрушения названной выгоды.

— Что значит разрушить выгоду? — спросил Терен.

— Сделать полученное неполученным.

— Говори по-человечески.

— Я не человек.

Терен едва не ударил его. Рука сама нашла рукоять малого молотка. Но бить договор молотом — всё равно что спорить с весами, разбивая чашу. Вес товара от этого не меняется.

— Если Сивер откажется, память вернётся Раде?

— Путь к утраченному откроется.

— А сам год?

— Память не монета, кузнец. Её нельзя положить обратно той же стороной.

Рада тихо повторяла имя мужа, будто учила чужое слово: Вень. Вень. Вень.

Терен повернулся к Сиверу.

— Откажись.

Торговец посмотрел на прилавок, на товары, на толпу. Без чудесной лёгкости ему пришлось бы нанимать грузчиков, менять вывеску, объяснять прежним покупателям, почему жернова снова весят как жернова.

— До конца ярмарки, — сказал он. — Я откажусь на рассвете.

— Сейчас.

— У меня договоры.

— У неё тоже был договор. Брачный.

Сивер побледнел, но головы не опустил.

— На рассвете.

Литой Свидетель повернул маску к Терену.

— Отказ не может быть выкован чужой рукой.

Вдалеке пробили четверть часа. До полуночи оставалось меньше трёх часов. Где-то на ярмарке висели ещё семь замков, и каждый мог повторить желание.

Терен снял с пояса связку пустых ключевых бородок. Семь лет назад он оставил хозяевам по ключу, а себе — заготовки на случай починки. Тогда это казалось предусмотрительностью. Теперь — семь тонких признаний, что он всегда допускал неисправность, но ни разу не спросил о последствиях.

— Где остальные владельцы? — спросил он у духа.

— Их местонахождение не внесено в запись.

— Когда взыщется следующая плата?

— При повторном исполнении каждого условия.

— Когда?

— Замок отвечает на это износом.

Терен показал Сиверу открытую ладонь.

— Ключ.

— Ты уже держишь его.

— Теперь он мой до твоего отказа.

Сивер хотел возразить, но посмотрел на Веню и промолчал. Вот только это молчание уже не казалось пустотой. В нём помещались лавка, деньги, чужой потерянный год и решение отложить правду до удобного часа.

Терен положил замок и ключ в ящик. Железо легло рядом с молотками тяжело, как и положено железу.

— Я найду остальных семь, — сказал он Литому Свидетелю.

— Это не условие договора.

— Это моё условие.

— Оно не записано.

Терен захлопнул крышку.

— Услышал — значит, пока достаточно.

Он подошёл к Раде и Веню. Старик уже собрал рассыпанные катушки. Красную нитку он не трогал.

— Идите за мной, — сказал Терен. — Здесь есть переписчица семейных свидетельств. Она запишет то, что вы оба помните об утраченном годе.

— Запись вернёт мне мужа? — спросила Рада.

— Не знаю. Но даст нам место, откуда начинать.

Она взяла корзину. Веня пошёл рядом, оставив между ними полшага, будто заново знакомился с женщиной, с которой прожил большую часть жизни.

Терен повёл их к ряду писцов. Он не видел Ольму семь лет и не знал, согласится ли она помочь. Не знал даже, сохранила ли сестра его имя в своей книге после последней ссоры.

Над ярмаркой качались восемь башенных фонарей. Один только что погас.

Семь продолжали гореть.

Глава 2. Год, которого не было

Ряд писцов начинался с длинной верёвки, натянутой между двумя медными шестами. На верёвке висели дощечки: «Родословные без покойников», «Письма, которые дойдут вчера», «Свидетельства для тех, кому не верят». Последняя дощечка была простой, тёмной от дождей. На ней ровной рукой вывели: «Семейные годы. Записываю только при двух свидетелях».

Под дощечкой сидела Ольга.

Семь лет не изменили её так сильно, как надеялся Терен. Он хотел бы не узнать сестру сразу, получить хотя бы несколько шагов, чтобы подготовиться. Но узнал по тому, как она придерживала страницу костяшкой мизинца, пока сушила песком предыдущую строку. Мать делала так же. Ольга убрала волосы под серый платок, оставив у виска одну непослушную прядь, и носила на шее круглое стекло на цепочке. На столе перед ней стояли три чернильницы, лежали нож для пера и связка узких книг в деревянных обложках.

К ней тянулась очередь. Мужчина в зелёном плаще диктовал имена шести сыновей и всякий раз путал среднего с младшим. Ольга не поправляла. Она задавала короткие вопросы, сверяла ответы с двумя женщинами-свидетельницами и лишь потом вносила имя.

Терен остановился за спинами ожидающих.

— Она ваша родственница? — спросила Рада.

В её голосе было вежливое недоверие человека, которого уже однажды попросили поверить незнакомцу.

— Сестра.

— А почему вы стоите так, будто должны ей денег?

— Деньги было бы проще вернуть.

Вень посмотрел на Теренов ящик.

— В нашей семье про такое говорили: если принёс беду в руках, не прячь руки за спину.

Терен снял ремень с плеча и поставил ящик перед собой. Первый замок лежал внутри, отделённый от инструментов куском обгоревшей кожи. Даже через крышку ощущался холод.

Очередь двигалась медленно. Над столами летали обрывки чужих фраз. «Она родилась после большой воды». «Нет, это было до того, как снесло мельницу». «К зиме он уже не хромал». Писцы ловили даты не числами, а событиями: урожаями, пожарами, свадьбами, похоронами, сменой крыш и дорог. На ярмарке число можно было купить или подделать. Событие приходилось подтверждать людьми.

Когда мужчина в зелёном плаще ушёл, Ольга обмакнула перо в воду, вытерла его льняной тряпкой и только тогда подняла глаза.

Сначала она увидела Раду с корзиной и Вень с мотками пряжи. Потом — ящик. Потом — Терена.

Её лицо не изменилось.

— Следующие двое, — сказала она.

Терен сделал шаг.

— Их двое и есть.

— Ты не свидетель.

— Я видел, как это случилось.

— Ты причина. Это не одно и то же.

Вень тихо кашлянул.

— Госпожа переписчица, моей жене вынули год. В тот год я ещё был жив. Для неё теперь умер прошлой зимой, хотя стою рядом.

Ольга перевела взгляд на Раду.

— Как вас зовут?

— Рада Лень.

— Его узнаете?

— Нет.

Вень опустил мотки на край скамьи.

— А меня зовут Вень Лень. Мы венчались сорок два года назад в Пологах. У нас две дочери. Старшая, Тира, живёт у синего моста. Младшая умерла в младенчестве.

Рада резко повернулась к нему.

— Не смейте говорить о моей девочке.

— Как её звали?

— Ласа.

— А старшую?

— Тира.

— Значит, хоть это на месте.

Рада прижала корзину к животу. На её мизинце всё ещё была красная нитка.

Ольма отодвинула чистую книгу и достала из-под стола другую — толстую, стянутую двумя ремешками. На обложке не было названия, только двенадцать зарубок по краю.

— Садитесь оба. Терен, отойди от стола.

— Мне нужно знать, можно ли вернуть...

— Отойди.

Он отступил к медному шесту. Ольма дождалась, пока между ним и столом окажется три шага, и раскрыла книгу.

— Я не возвращаю память, — сказала она Раде. — Я нахожу края провала. Иногда человек способен пройти по записи к тому, что уцелело. Иногда нет. Я не стану обещать больше.

— Он сказал, вы дадите место, откуда начинать.

Ольма быстро взглянула на брата.

— На этот раз сказал верно.

Она провела пальцем по оглавлению, нашла пустой разворот и написала два имени. В одну колонку — Рада. В другую — Вень.

— Назовите последнее событие, которое помните одинаково.

— Его похороны, — ответила Рада.

— Я на них не был, — сказал Вень.

Ольма повернула к нему стекло на цепочке. Внутри круглой оправы дрожала тонкая чёрная стрелка.

— Не шутите здесь. Книга принимает не слова, а совпадения.

— Я не шучу. Прошлой зимой умер мой двоюродный брат. Его тоже звали Вень. В семье нас различали по отчествам, но Радушка всегда звала обоих просто по имени.

— Я хоронила мужа, — настаивала Рада.

— Ты хоронила Веня Тихого. Он лежал с левой стороны от часовни. Мы ещё спорили, можно ли класть ему в гроб свирель.

— Ты откуда знаешь?

— Я нёс крышку.

Ольма записала обе фразы. Чернила у слов Рады легли густо, у слов Веня — светлее. Между строками проступила белая щель шириной в палец.

— Теперь самое первое событие после похорон, — сказала она.

Рада закрыла глаза.

— Я вернулась домой. Печка погасла. На лавке лежал его тулуп, и я вынесла тулуп соседям.

— Не вынесла, — сказал Вень. — Я был в нём.

Она открыла глаза.

— Зачем вы это делаете?

— Потому что был там.

— Вас подослал кузнец?

Вень не ответил. Он развязал ворот рубахи и показал под правой ключицей длинный белый шрам.

— Откуда он?

Рада посмотрела и побледнела.

— Телега перевернулась, когда Тире было пять.

— Кто меня зашивал?

— Я.

— Какими нитками?

— Синими. Других в доме не было.

— Почему следы по краям кривые?

— Потому что ты орал и дёргался.

Она произнесла это сердито, почти привычно. Рука сама потянулась к шраму, но остановилась на полпути. Вень не двинулся ей навстречу.

Чёрная стрелка в стекле Ольмы качнулась. На странице между колонками появилась тонкая синяя линия, связавшая две старые записи, но белая щель осталась.

— Связь раньше провала держится, — сказала Ольга. — Значит, вы не подменяете ей прошлое. Теперь найдём, где год начинается.

Она задавала вопросы один за другим. Кто латал крышу после града? Какого цвета была телёнок у соседей? Кто принёс в дом круглый стол? Когда Тира сломала палец? На одни Рада отвечала сразу, на другие смотрела с испугом. Вень не спорил, если жена ошибалась в мелочах. Он называл свидетеля или предмет, который мог подтвердить его слова.

Так они дошли до весны.

— В тот год река вскрылась рано, — сказал Вень. — Мы ходили смотреть лёд.

— Я ходила одна.

— У тебя был мой зелёный шарф.

— У меня никогда не было зелёного шарфа.

— Он сейчас в корзине.

Рада дёрнула крышку. Под катушками лежал свёрнутый зелёный шарф, истёртый на сгибах. Она вынула его двумя пальцами.

— Я не клала.

— Ты завязала его на корзину, чтобы я узнал тебя в толпе. Потом стало холодно, и ты убрала внутрь.

Ольма положила шарф на страницу. Белая щель раздвинулась, заняла четыре строки и оборвалась ровно там, где ткань коснулась бумаги. На верхнем краю провала проступила дата прошлой ярмарки. На нижнем — дата через год и один день.

Рада коснулась пустого места.

Чёрнила вокруг её пальца побежали, как вода от камня. На миг в белизне показался силуэт: двое стоят на берегу, над рекой идёт лёд, зелёный шарф соединяет их руки. Затем картина исчезла.

Рада вскрикнула и отдёрнула палец.

— Что вы со мной сделали?

— Ничего, — сказала Ольга. — Это ваше. Книга не умеет придумывать общую память.

Она показала след, потому что трое свидетелей сошлись: вы, Вень и шарф.

— Я не помню.

— Пока нет.

Вень осторожно спросил:

— Значит, вернуть можно?

Ольма посмотрела на белую полосу.

— Значит, год не уничтожен. Его отделили. Между уничтоженным и отделённым большая разница, но для того, кто живёт рядом с пустотой, утешение слабое.

Терен подошёл ближе.

— Литой Свидетель сказал: если хозяин откажется от чуда, путь к утраченному откроется.

Ольма положила ладонь на страницу, закрывая провал.

— Какой хозяин? Какое чудо?

— Сивер. Лёгкие товары. Один из моих замков повторил условие и взял с Рады вторую плату.

— Вторую?

— Первую взял семь лет назад с другого человека.

— Ты говорил, что хозяин платит сам.

— Я так думал.

— Нет. — Ольма медленно поднялась. — Ты говорил это как мастер. «Хозяин отдаёт год, потому чудо не бывает даром». Я записала твою фразу.

— Мне Ревель так объяснил.

— Значит, ты повторил чужие слова своим именем.

Ждавшие за Радой люди начали прислушиваться. Терен чувствовал их взгляды на спине и впервые не захотел повернуться, чтобы заставить их смотреть в другую сторону.

— В насечке есть скрытая запись, — сказал он. — Случайный взрослый из какого-то круга. Я не прочитал её перед ковкой.

Ольма обошла стол.

— Покажи.

Он открыл ящик. Холод сразу разошёлся по столам. У соседнего писца чернила покрылись тонкой ледяной кожей. Терен вынул замок за открытую дужку и положил на край Ольминой книги, не касаясь страницы.

— Моё клеймо на лицевой стороне. Запись по краю. Часть уходит под пластину.

Ольма надела стекло на глаз и наклонилась так низко, что прядь выбилась из-под платка. Она не трогала железо. Водила над ним тупым концом пера, следуя завиткам.

— «Плату принять годом...» Дальше затёрто. «...взрослого, звон...» Здесь лист закрывает половину буквы. И снова: «...выбором Свидетеля без предпочтения».

— Можешь снять запись на бумагу?

— С видимой части. Полностью — если уберёшь пластину.

— Не здесь. Замок открыт, но первое чудо держится. Если трону не тот штифт, выпущу условие снова.

— Тогда у тебя семь лет было, чтобы принести его в кузницу.

— Он был у Сивера.

— А имя на нём твоё.

Терен сжал дужку. Железо кусало холодом.

— Я пришёл не спорить.

— Ты всегда так говоришь после того, как семь лет не приходил.

Рада закрыла книгу ладонями.

— Простите. Мой год ещё здесь.

Ольма замолчала. Сердито выдохнула, вернулась на место и повернула страницу к Раде.

— Верно. Сначала ваше дело.

Она начертила вокруг белой полосы четыре маленьких знака: дом, свидетель, вещь и добровольное слово.

— До отказа владельца не пытайтесь заставить себя вспомнить силой. Не слушайте десять рассказов сразу. Чужие подробности прилипают к провалу, и потом трудно отличить подсказку от своей памяти. Возьмите одну вещь из того года. Этого шарфа достаточно. Одного свидетеля. Веня, если согласны находиться рядом с человеком, который вам не верит.

— Согласен, — сказал он.

— Не отвечайте за неё и не заканчивайте фразы. Каждый раз называйте, откуда знаете факт. «Я видел». «Мне сказала Тира». «Вот след на подоконнике». Понимаете?

Вень кивнул.

— А мне что делать? — спросила Рада.

— Записывать то, что приходит само. Даже если это один запах или цвет. Не стараться сразу полюбить незнакомого мужа. Память и доверие возвращаются не одной дверью.

Рада посмотрела на Веня. В её взгляде не стало узнавания, но исчезло желание отодвинуться.

Ольма отрезала от рулона лист, переписала границы утраченного года и свернула запись вокруг зелёного шарфа. Затем протянула Терену чистую полоску бумаги.

— Напиши имя владельца и точные слова желания.

— Зачем?

— Чтобы я знала, к кому идти, если ты снова исчезнешь.

Он написал: «Сивер, торговец лёгкими товарами. Пусть всякая тяжесть в моей руке станет легче пуха». Его пальцы оставили на бумаге угольные следы.

Ольма прочла и отдала полоску Раде.

— Это не долговая расписка и не обещание возврата. Только имя человека, от решения которого сейчас зависит путь к вашему году.

— Он откажется на рассвете, — сказал Терен.

— Он сам это сказал?

— Да.

— Тогда на бумаге следовало написать его слова, а не свою надежду.

Терен промолчал.

Рада убрала полоску в корзину.

— Мы останемся здесь до рассвета.

— Под третьим столом есть место, — сказала Ольма. — Там никто не наступит на книгу. Если станет страшно, зовите меня, а не кузнеца.

Это было заслуженно. От заслуженного не становилось легче.

Вень перенёс мотки под навес. Рада пошла следом, держа свёрток с шарфом на расстоянии от тела. Когда она проходила мимо Терена, остановилась.

— Найдите того, с кого взяли первый год.

— Найду.

— Это опять обещание, которого вы не знаете как исполнить?

— Да.

Она подумала и кивнула.

— Тогда хотя бы честное.

Они устроились под дальним столом. Ольма закрыла толстую книгу, сменила перо и позвала следующую семью. Разговор, казалось, был окончен.

Терен не уходил.

Перед столом встали две сестры с одинаковыми медными серьгами. Они хотели подтвердить, кто из них родился первой, потому что отец оставил старшей дом, а повитуха умерла. Ольма выслушала обеих, нашла в их рассказах три несовпадения и отказалась ставить печать до третьего свидетеля. Затем пришла женщина с мальчиком, который помнил бабушку моложе собственной матери. Затем — старик, уверявший, что прожил одну зиму дважды.

Терен стоял у шеста и считал время по башенным фонарям. Семь горели. До полуночи оставалось меньше двух часов.

Когда очередь на мгновение иссякла, Ольма сказала, не поднимая головы:

— Если ждёшь прощения, его не будет.

— Мне нужны записи прошлой ярмарки.

Перо остановилось.

— Какие?

— Все случаи, когда взрослый потерял ровно год. Не от старости, болезни или сделки у ворот. Разрыв с датой открытия ярмарки или позже.

— За семь лет через меня прошло больше трёхсот семей.

— У меня восемь замков. Первые платы взяты в одну ночь. Если круг большой, пострадавшие могут жить далеко. Но кто-то приходил искать пропажу сюда.

— И ты решил вспомнить о них за два часа до полуночи.

— Письмо пришло неделю назад.

— Значит, потерянную неделю тоже запишем на чужой счёт?

Он хотел объяснить, что проверял горн, искал Ревеля, перечитывал старые заказы. Всё это было правдой. И всё это означало, что он семь дней занимался железом, прежде чем подумал о людях.

— На мой, — сказал Терен.

Ольма посмотрела на него внимательнее, словно услышала слово на незнакомом языке.

— Книги под прилавком, — сказала она. — Третий сундук. Не перепутай застёжки. Чёрная открывает свидетельства, белая — то, что семьи запретили показывать посторонним.

Терен присел у сундуков. На третьем висели две костяные застёжки. Он коснулся чёрной. Та разомкнулась.

Внутри стояли семь книг — по одной на каждый год. Ольма помечала провалы белой нитью, выпуская конец между страницами. Таких концов оказалось много.

— Как отличить украденный год? — спросил он.

— Никак, пока не найдёшь края. Смотри дату начала и длину. Нас интересует ровный год, не привязанный к болезни. Ищи знак колокола.

— Почему колокола?

— Потому что шестеро из тех, кого я записала после прошлой ярмарки, слышали звон во сне перед провалом.

Терен поднял голову.

— Шестеро?

Ольма уже смотрела на него.

— Я думала, это плата за вход. Люди лгут сборщикам, обещают воспоминание на обратном пути, потом удивляются пустоте. Но ни один из шестерых не входил после третьего удара. И у всех исчезал год, а не одно событие.

— Почему ты не сказала мне?

— Куда? В кузницу, из которой ты велел передать, что занят? В дом, где мои письма лежали нераспечатанными?

Терен вспомнил связку у двери. Он тогда узнал Ольмин почерк. Не открыл первое письмо, потому что боялся снова прочесть обвинение в смерти матери. Следующие не открывал уже потому, что первое оставалось запечатанным.

— Покажи шестерых.

Ольма вынула из первой книги белую нить.

— Милан Крей, бондарь. Забыл год, когда учил дочь ремеслу. Сата и Горин Пежи — муж и жена, каждый потерял по году, но разному. У Саты исчез год до свадьбы, у Горина —

год после рождения сына. Лора Тесничная, лекарка, забыла всех больных одной зимы. Эвальд Струг, лодочник, забыл, как строил свою первую лодку. Шестую я не закончила.

— Почему?

— Она отказалась от второго свидетеля.

Ольма достала самую тонкую книгу. Белая нить в ней была завязана узлом, знаком незавершённой записи. Книга открылась на странице, где слева стояли даты, а справа — короткие вопросы. Имени не было.

«Кто лежал у окна в последний день?»

«Мать».

«Кто держал чашку?»

«Не знаю».

«Кто вынес золу?»

«Брат».

«Как звали брата?»

Под вопросом расплзлось белое пятно.

Терен узнал почерк ответов. Такой же почерк был на дощечке над столом — строгий, прямой, только буквы здесь дрожали.

— Это ты.

— Да.

Ольма сняла стекло с шеи и положила на страницу. Чёрная стрелка закрутилась, потом замерла, указывая на белое пятно.

— Я помню, как мать заболела, — сказала она. — Помню первый снег. Помню, как ты принёс лекаря, а она выгнала его, потому что он был пьян. Потом пусто. Следующее — весна, свежая земля у ограды и ты, заколачивающий кузницу изнутри. Между ними год.

— Она умерла той зимой.

— Я знаю это из записи. Не из памяти.

Терен сел прямо на землю. Край сундука упёрся ему в плечо.

Он помнил ту зиму слишком хорошо. Мать лежала у окна, потому что у стены ей не хватало воздуха. Ольма меняла воду, стирала простыни, ночами читала вслух старую книгу о морских странах. Терен почти не бывал дома. После пожара он восстанавливал кузницу и брал любую работу, чтобы расплатиться за новый кров. Иногда возвращался под утро и видел сестру, спящую на полу у материнской постели.

— Ты держала чашку, — сказал он. — Почти всегда ты.

— Не рассказывай мне сейчас.

— Но ты спросила в книге.

— Книга спросила тогда. Сейчас я знаю, что чужая подробность может занять место моей. Не рассказывай, пока мы не откроем путь.

Он закрыл рот.

Ольма провела ногтем по краю белого пятна.

— Провал начинается в ночь прошлой ярмарки.

Терен посмотрел на своё клеймо на замке. Маленькая наковальня с раздвоенным рогом блестела так, будто её поставили вчера.

— Один из восьми, — сказал он.

— Что?

— Твой год мог стать первой платой за один из замков.

— Мог?

— Запись говорит о случайном взрослом. Я пока не знаю всего круга.

— А что объединяет этих шестерых?

— Они слышали звон ярмарки.

— Его слышит половина уезда.

— Значит, круг большой.

Ольма посмотрела на семь книг в сундуке, на белые нити, свисающие между страницами. За соседним столом писец выругался: замёрзшие чернила окончательно превратились в ледяной комок.

— Сколько раз использовали замки? — спросила она.

— Не знаю.

— Сколько лет забрали?

— Не знаю.

— Где владельцы?

— Не знаю.

Каждый ответ ложился тяжелее молота.

— Зато ты знаешь, что был занят, — сказала Ольма.

Терен поднялся.

— Я найду владельцев. Открою замки. Заставить отказаться не смогу, но назову им цену при свидетелях.

— И что потом?

— Вернусь за вашими годами.

— Нет.

— Ольма...

— Не «вернёшься». Я пойду с тобой.

Он посмотрел на людей под навесом, на книги, на Раду и Веня под дальним столом.

— Здесь твоя работа.

— Моя работа — удерживать семейные годы, когда кто-то вырывает их ради чужой выгоды. До этой минуты я думала, что имею дело с отдельными провалами. Теперь передо мной имя мастера.

Она указала на клеймо.

— Мне нужно видеть каждый замок и каждое желание. Нужны имена пострадавших, вещи и свидетели. Если хозяин откажется, я проверю, открылся ли путь. Ты этого не умеешь.

— На ярмарке опасно.

— Для кого? Для взрослой женщины, которая семь лет работала здесь без старшего брата? Или для сестры, которую ты привык оставлять дома, пока решаешь, какая правда ей по силам?

Терен опустил взгляд.

— Для человека, у которого уже взяли год.

— Тогда спешу, пока не взяли второй.

Ольма позвала соседнего писца и передала ему очередь, три чистые книги и ключ от чёрной застёжки. Белую оставила себе. Толстую книгу Рады и Веня убрала в кожаную сумку. Туда же положила нож, песок, две чернильницы и круглое стекло.

— Шесть записей тоже возьмём, — сказала она. — И мою.

— Ты уверена, что хочешь носить её открытой?

— Нет. Но уверенность не обязательна, когда есть работа.

Она завязала серый платок крепче и повернулась к Раде.

— Мы уходим искать владельцев. Вы можете остаться у Кема, он знает, как держать книгу. Не соглашайтесь ни на какую замену года, если вам предложат. Ни на чужую память, ни на красивый сон.

— А если Сивер придёт? — спросил Веня.

— Пусть произнесёт отказ при вас и двух свидетелях. Точные слова: «Я добровольно отказываюсь от выгоды, данной моим желанием». Потом ничего не обещайте ему взамен.

Рада вылезла из-под стола и протянула Ольме красную нитку со своего мизинца.

— Возьмите. Я завязала её, чтобы не забыть купить Тире иглы. Теперь всё равно не знаю, какие ей нужны.

Ольма обвязала нитку вокруг ручки сумки.

— Верну, когда узнаете сами.

Над площадью ударил колокол. Не башенный часовой — ниже, ближе. Звук прошёл по Теренову ящику. Семь пустых ключевых бородок звякнули разом.

Один из горящих фонарей мигнул.

Терен вскинул голову. Свет удержался, но стал слабее.

— Ещё один замок просыпается, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— Так железо зовёт ключ.

Ольма подняла сумку на плечо.

— Тогда веди.

— Я не знаю куда.

Она подошла к ящику, вынула связку пустых бородок и подвесила над открытой книгой. Шесть ключей остались неподвижны. Седьмой качнулся к северной части ярмарки, где над крышами медленно вращалась вывеска в виде дома без дверей.

— Ты слушаешь железо, — сказала Ольга. — Я слушаю пустые места. На этот раз попробуем не по отдельности.

Терен забрал связку. Седьмая бородка продолжала тянуть его руку на север.

Он захлопнул ящик и взвалил ремень на плечо. Ольга пошла рядом, не впереди и не позади. Между ними оставалось полшага — ровно столько, сколько Вень оставлял Раде.

Терен не пытался сократить расстояние.

Впереди качался дом без дверей. За его чёрными окнами никто не ссорился, не плакал и не произносил имён.

Над ярмаркой всё ещё горели семь фонарей.

Но теперь второй свет ждал только одного слова, чтобы погаснуть.

Глава 3. Замок исполняет буквально

Дом без дверей стоял в северном ряду между лавкой оконных видов и палаткой, где про-
давали тёплые тени. Его стены были сложены из серых досок, крыша покрыта настоящей чере-
пицей, в окнах горел жёлтый свет. Из трубы шёл дым. Только войти было некуда.

Люди обходили дом кругом, гладили стены, прикладывали ухо к щелям. Зазывала в
белом переднике стояла на маленьком крыльце, которое упиралось прямо в доски.

— Ни дверей, ни ссор! — объявляла она. — Единственный дом на ярмарке, где муж не
хлопнет дверью, жена не уйдёт, дети не выбегут в ночь! За один серебряный можно провести
четверть часа в настоящем семейном мире!

— Как они входят? — спросил Терен.

Ольма указала на трубу.

Над крышей висела плетёная корзина. Двое служителей поднимали в ней очередную
семью, наклоняли корзину над дымоходом, и люди, один за другим, превращались в сизые
клубы. Дым втягивался в трубу. Через четверть часа из трубы вылетали белые бумажные
птицы, падали за домом и становились людьми.

— Удобно, — сказала Ольма. — Если внутри начнётся пожар, никто не хлопнет дверью.

Пустая ключевая борода в руке Терена тянулась к правому окну. За стеклом двигались
тени: мужчина поднял палец, женщина открыла рот, двое взрослых сыновей стояли друг про-
тив друга. Ни звука наружу не выходило.

Потом все четверо одновременно улыбнулись.

Не так улыбаются после примирения. Так улыбаются по приказу живописца, которому
надо закончить семейный портрет до темноты.

Терен подошёл к зазывале.

— Кто хозяин?

— Внутри всякая семья сама себе хозяйка.

— Хозяин дома.

— Госпожа Мелия принимает только после завершения четверти.

— Где замок?

Зазывала посмотрела на его ящик, увидела клеймо на крышке и перестала улыбаться.

— Нам кузнец не требовался.

— Замок зовёт ключ.

— Здесь ничего не сломано.

Из дома донёсся глухой удар. Правое окно на миг выгнулось наружу, будто кто-то толкнул
стекло ладонями. Четверо внутри продолжали улыбаться.

— Откройте стену, — сказал Терен.

— Стену не открывают.

Ольма сняла сумку с плеча.

— Тогда назовите имена тех, кто сейчас внутри.

— Это семейное дело.

— Пока они люди — да. Если станут дымом без памяти, дело будет моим.

Зазывала попятилась. Терен увидел, как её рука скользнула под передник и дёрнула шну-
рок.

На крыше звякнул колокольчик. Корзина замерла над трубой, не успев принять следую-
щую семью. Из-за дома вышла высокая женщина в платье цвета сухой розы. На поясе у неё
висели ножницы, счётная доска и ключ с круглым ушком. Замка не было.

— Я Мелия Арк, — сказала она. — Кто пугает моих посетителей?

— Терен Яров. Я ковал ваш замок.

— Мой замок исправен.

— Покажите.

Мелия оценила его залатанный фартук, тяжёлый ящик и Ольмину сумку.

— Семь лет исправен. Ни одной жалобы.

Правое окно снова выгнулось. На этот раз по стеклу пробежала трещина и тут же затянулась.

— Они не могут пожаловаться, — сказала Ольга.

— В том и состоит услуга. Люди платят за четверть часа без ссор.

— А если хотят уйти раньше?

— Зачем платить, чтобы уйти раньше?

Ольга поднялась на крыльцо и постучала костяшками в стену. Тени внутри повернули головы. Один из сыновей шагнул к окну. Улыбка осталась на лице, но он стал бить кулаком в стекло.

— Он хочет, — сказала она.

Мелия дёрнула шнурок ещё раз. Колокольчик на крыше промолчал.

— Четверть почти закончилась.

— Где замок? — повторил Терен.

Внутри что-то щёлкнуло.

Терен почувствовал звук подошвами. Не обычный щелчок механизма, а удар запертого слова по железной скобе. Пустая борода рванулась из пальцев, ударилась о стену возле правого окна и повисла остриём вниз.

— За обшивкой, — сказал он.

Мелия встала между ним и стеной.

— Дом нельзя портить при посетителях.

— Через сколько замок повторит желание?

— Ничего он не повторит.

— Вы получили письмо?

Её взгляд дрогнул.

— Бумагу без подписи? Получила. Там было велено не подпускать вас к замку до полуночи.

— Мне велели починить первый.

— Значит, письма писал не один человек.

Ольга обернулась к очереди.

— Кто вошёл вместе с семьёй у правого окна?

Люди зашептались. Пожилая женщина подняла руку.

— Это мои. Муж — Лесан, я его жена. Сыновья Кой и Мирт. А четвёртая — невеста Мирта, Дея.

— Они ссорились до входа?

— Затем и пришли. Кой хочет продать общий сад, Мирт не даёт. Лесан молчит третий месяц. Мы подумали, если посидят спокойно...

— Кто из них сейчас бьёт в окно?

— Кой.

Кой уже не бил. Он стоял, прижав руки к бокам, и улыбался. По костяшкам текла кровь, но капли, едва падая, возвращались вверх и прятались в коже. Дом исправлял вид семейного мира.

Терен снял с ящика малый ломик.

— Отойдите, Мелия.

— Если сорвёшь доску, договор дома нарушится.

— Он уже нарушается.

— Ты отвечаешь серебром за ущерб?

Терен посмотрел на Ольму. Она ничего не сказала, только достала книгу и открыла чистую страницу.

— Отвечаю своим именем, — произнёс он.

— Имя не серебро.

— Моё пока принимают.

Он вставил ломик в щель. Доска не поддалась. Терен навалился плечом, но дерево лишь тихо застонало. Оно было не прибито — убеждено, что является стеной без входа.

— Железо, — сказал он. — Найдите в стене хоть одно железное место, кроме замка.

Ольма провела круглым стеклом вдоль досок. Чёрная стрелка металась, реагируя на людей внутри, и вдруг замерла у нижнего угла окна.

— Здесь пустота не семейная. Узкая, в два пальца.

Терен ощупал дерево. Под краской скрывались две шляпки гвоздей. Он подцепил одну зубилом и вытащил. Гвоздь оказался длинным, кованым, с его старой меткой на стержне.

Семь лет назад Ревель заказал не только восемь замков. Он велел изготовить к каждому набор крепежа, чтобы чужое железо не перебило слово. Терен помнил, как гордился полнотой работы.

Он вынул второй гвоздь. Доска сразу ослабла. За ней обнаружилась узкая ниша, выложенная чёрной шерстью. В нише висел замок: овальный, гладкий, с четырьмя замочными скважинами по сторонам света. Его дужка охватывала не засов, а сложенную вчетверо бумажную полоску.

На лицевой пластине темнело Тереново клеймо.

Замок был горячим.

— Ключ, — потребовал он.

Мелия прижала ладонь к поясу.

— Сначала выведи людей.

— Для этого нужен ключ.

— Они выйдут через трубу.

— Когда?

Она посмотрела на песочные часы у зазывалы. Верхняя колба была пуста. Песок в нижней уже лежал неподвижно.

— Сейчас, — сказала Мелия.

Над крышей должны были появиться бумажные птицы. Не появились.

Труба выдохнула серый дым и втянула его обратно.

Внутри четверо людей по-прежнему улыбались.

— Желание, — сказал Терен. — Назовите его точно.

— Чтобы в этом доме никто никогда не ссорился.

— Это не всё.

— Всё.

— Замок держит добровольно несказанное слово. Вы должны были хотеть чего-то, что побоялись произнести при ковке.

Мелия отвела глаза к очереди.

— Не при всех.

— Именно при всех, — сказала Ольма. — Внутри четверо людей, и один уже пытался выйти.

— Если узнают, услугу никто не купит.

— Если не узнают, её купят ещё раз.

Замок дёрнулся. Бумажная полоска в дужке начала разворачиваться сама. На ней проступали слова, но увидеть их мешала пластина.

Терен схватил корпус клещами.

— Говорите.

— Я хотела, чтобы из дома нельзя было уйти во время ссоры! — выпалила Мелия. — Чтобы каждый оставался, пока не наступит мир.

Внутри стены что-то вздохнуло.

Лица за окном изменились. Улыбки исчезли. Кой снова ударил в стекло. Мирт обнял Дею за плечи, Лесан бросился к другой стене.

Из замка голосом молодой Мелии прозвучало:

— Пусть из моего дома никто не уйдёт в ссоре, а всякий спор останется внутри, пока не станет миром.

Ключ на её поясе раскалился докрасна.

Мелия вскрикнула и сорвала цепочку. Ключ упал на крыльцо, прожёл доску и провалился между ступенями.

Дом содрогнулся.

Все окна разом стали стенами. Труба втянулась в крышу, как палец в рукав. Крыльцо распрямилось и исчезло под ногами. Люди в очереди отшатнулись.

Терен успел сунуть клещи в нишу, прежде чем доска вернулась на место. Замок остался снаружи, зажатый железными губками. Дужка тянула бумажную полоску внутрь стены.

— Держи ящик! — крикнул он.

Ольма поставила ногу на крышку и обеими руками ухватила за его пояс. Терен тянул. Замок обжигал клещи даже через рукавицы. Бумага не рвалась. Она вытягивалась из дома, и вместе с ней из стены выходили голоса.

— Продам сад, он мой по старшинству!

— Отец оставил его нам обоим!

— Я устал решать за вас!

— Ты никогда ничего не решал!

Каждая реплика становилась чёрной строкой на бумаге. Дом не глушил спор. Он хранил его внутри стен, год за годом, пока снаружи сохранялась тишина.

— Мир здесь никогда не наступал, — сказала Ольма сквозь зубы. — Он просто не выпускал слова.

Мелия ползала под исчезнувшим крыльцом, пытаясь достать ключ.

— Помогите мне!

— Произнесите отказ! — ответил Терен.

— Сначала выведите людей!

— Замок уже повторил желание. Сейчас он возьмёт ещё год!

— С кого?

Из замочной скважины показалась белая нить.

Она прошла по Тереновым клещам, обвилась вокруг его запястья и метнулась к толпе. Люди разбежались. Нить не спешила. Она скользила над землёй, словно знала, что круг платёщиков закрыт и один человек всё равно останется внутри него.

Ольма отпустила Теренов пояс и открыла книгу.

— Я могу увидеть, кого она выберет.

— Не подходи.

— Если увижу край раньше, удержу связь.

— Ольма!

Она уже подняла стекло. Чёрная стрелка повернулась вслед за белой нитью.

Нить проползла между ногами бегущих, обогнула мать Лесана и ушла к служителям у корзины. Один бросил канат. Второй замер, прижав ладони к ушам. Нить коснулась его груди, но не вошла, качнулась и двинулась дальше.

— Он не слышал звон прошлой ярмарки, — сказала Олма. — Не входит в круг.

Белая линия повернула к лавке оконных видов. Торговец захлопнул ставни. Нить прошла сквозь дерево и вышла обратно.

У палатки тёплых теней стояла молодая женщина в коричневой куртке. Она держала за повод низкую серую лошадь и смотрела не на нить, а на дом. Возле её сапога лежал молоток каменщика.

— Дея! — закричала она. — Дея, ты меня слышишь?

Из стены ответил приглушённый женский голос:

— Лана!

Белая нить вздрогнула и бросилась к женщине.

Терен отпустил клещи одной рукой и перехватил нить. Холод прорезал ладонь. Перед глазами на миг возник незнакомый двор: две девочки строят из камней дом, младшая требует сделать две двери, старшая смеётся. Потом картина исчезла, а нить вывернулась между пальцев.

— Беги! — крикнул он.

Лана не побежала.

— Моя сестра внутри.

Нить вошла ей под ключицу.

Женщина пошатнулась. Повод выпал из её руки. Серая лошадь ткнулась мордой ей в плечо, но Лана отодвинулась.

— Чья это лошадь? — спросила она.

Олма уже была рядом. Подхватила повод, вложила его обратно в пальцы Ланы и заставила сжать.

— Смотрите на меня. Как вас зовут?

— Лана Черен.

— Кого вы звали?

Лана посмотрела на гладкую стену.

— Не знаю.

Из дома снова донеслось:

— Лана!

Женщина испуганно отступила.

— Кто там знает моё имя?

Олма раскрыла книгу прямо на земле.

— Женщину внутри зовут Дея. Вы назвали её сестрой до того, как нить коснулась вас.

— У меня нет сестры.

— Есть свидетель. Я слышала. Кузнец слышал. Ваша лошадь знает вас обеих?

Лана уставилась на животное. К седлу были привязаны два одинаковых плаща, один коричневый, другой синий.

— Я ехала одна.

— Тогда зачем второй плащ?

Лана не ответила.

Олма положила синий плащ на открытую страницу. Между строками появилось белое пятно.

— Год отделён, — сказала она. — Связь держится. Дея не исчезла целиком.

Терен снова взял клещи двумя руками. Замок перестал тянуть бумагу. Вторая плата была принята, и дому больше не требовалось бороться.

— Мелия, — сказал он. — Теперь откажитесь.

Хозяйка дома наконец достала ключ из-под досок. Металл уже остыл, но круглое ушко почернело.

- Если откажусь, что станет с домом?
- Он перестанет удерживать людей до мира.
- А стены?
- Не знаю.
- Моя работа?
- Не знаю.
- Тогда почини иначе.

Терен посмотрел на Лану, которая держала чужой синий плащ и не узнавала голос сестры. Потом на Мелию.

- Иначе — это отнять год у следующего человека.
- Ты кузнец. Поставь ограничение. Пусть дом выпускает тех, кто попросит.
- Скрытое желание уже сказано. Я не могу сделать его другим задним числом.
- Значит, ты плохой мастер.

Слова попали точно в старое место. Ещё вчера Терен стал бы доказывать обратное желе-зом. Он бы разобрал замок, заменил скобу, выковал дополнительный выход и назвал работу исправлением. Если бы цена ушла к новому человеку, он сказал бы, что договор сложнее обыч-ного ремесла.

Ольма стояла на коленях рядом с Ланой и писала первые границы пустого года. Она не смотрела на брата.

Терен опустил замок на ящик.

— Да, — сказал он. — В тот день я был плохим мастером. Не прочитал насечку и не спросил, кто платит. Сегодня могу только открыть то, что сделал.

- За мои деньги ты обещал замок на семь ярмарок!
- Покажите расписку.

Мелия побледнела.

- Она у Ревеля.
- Конечно.

Терен протянул руку за ключом.

- Нет, — сказала она.

Из стены доносились удары. Люди внутри нашли что-то тяжёлое и били в одно место. После каждого удара дом проглатывал звук, но доски дрожали.

Мать Лесана подошла к Мелии.

- Там мой муж и сыновья.
- Они выйдут, когда помирятся.
- Они не помирятся, пока не смогут уйти и подумать.
- Вы сами привели их.
- Потому что вы сказали: четверть часа.

Мелия сжала ключ в кулаке.

- Я верну серебряный.

Женщина ударила её по руке. Ключ отлетел к стене. Терен наступил на него раньше, чем обе успели наклониться.

- Не трогайте друг друга, — сказал он.
- Это мой ключ! — крикнула Мелия.
- А замок мой, пока вы не произнесёте отказ.
- Ты не имеешь права.

Вдоль стены прошёл ровный металлический звон. Из серых досок выступили десятки строк — все ссоры, которые дом удержал за семь лет. Они ложились одна поверх другой: обви-нения, угрозы, просьбы, признания, слова детей, слова стариков. Некоторые были короткими. Некоторые тянулись через всю стену и уходили за угол.

Над ними проступила тонкая насечка договора.

«Владелец сохраняет выгоду, пока дом удерживает спор и спорящих до наступления мира. Удержанное не покидает названных стен. Плата принимается годом памяти случайного взрослого из круга слышавших звон Серебряного Горна».

Ольма прочла вслух каждое слово.

Толпа слушала.

Мелия оглянулась и поняла, что услугу уже не сохранить. Тайна, ради которой ковали замок, вышла наружу вместе с условием.

— Ревель говорил, что плату берут со стен, — прошептала она.

— У стен нет лет памяти, — ответила Ольма.

— Он сказал, старые дома помнят жильцов.

— А вы поверили?

— Я заплатила за проверку!

— Кому?

— Ревелю.

Терен нагнулся ближе.

— Где он?

— На ярмарке. Он всегда приходит к полуночи собирать долю. В прошлый раз ставил шатёр возле башни мер и весов.

Впервые за ночь у них появился след, который вёл не к замку, а к человеку.

Дом снова содрогнулся. Одна доска треснула. Из щели показались пальцы.

— Отказ, — напомнил Терен.

Мелия смотрела на строки договора.

— Если я откажусь, вы вернёте мне серебро за замок?

— Нет.

— Тогда что я получу?

Ольма указала на Лану.

— Возможность не брать у неё ещё один год.

Мелия долго молчала. Толпа не давала ей спрятать это молчание за стеной.

Наконец она сказала:

— Я добровольно отказываюсь от выгоды, данной моим желанием.

Замок остыл.

Терен поднял ключ, вставил в восточную скважину и повернул. Не поддалось. Он попробовал северную — ключ вошёл лишь наполовину.

— Четыре скважины, — сказала Ольма. — Почему?

— Четыре стороны дома. Нужно открыть все выходы.

— Ключ один.

— Пока один.

Он достал пустую бородку, приложил к почерневшему ключу и вынул из ящика маленький молоток. Горна рядом не было, но ключ всё ещё хранил жар повторённого желания. Терен положил обе заготовки на железную крышку ящика и ударил.

Мелия вскрикнула:

— Ты ломаешь его!

— Разделяю.

После третьего удара круглая головка дала четыре тонких отростка. После пятого бородка отпечаталась в заготовке. Терен согнул её пополам, сломал по насечке и получил два коротких ключа. Ещё две заготовки из связки стали третьим и четвёртым.

— По одному человеку с каждой стороны, — распорядился он. — Вставить одновременно. Не поворачивать, пока не скажу.

Мать Лесана взяла первый. Ольма — второй. Третий Терен отдал зазывале, которая всё это время стояла у исчезнувшего крыльца. Четвёртый оставил себе.

Они разошлись вокруг дома.

— Сейчас!

Четыре ключа повернулись.

На каждой стене появилась дверь.

Не нарисовалась и не выросла — просто оказалась там, словно всегда существовала, а люди почему-то смотрели мимо. Все четыре створки распахнулись наружу. Из дома хлынули голоса. Старые ссоры вылетали чёрными бумажными полосами, кружились над крышей и рассыпались пеплом.

Лесан вышел через южную дверь. Его жена обняла его, но он мягко отвёл её руки.

— Не сейчас, — сказал он. — Сначала я скажу сыновьям то, что должен был сказать дома.

Кой и Мирт появились с разных сторон. Кой держал разбитую руку. Мирт вёл Дею.

Она увидела Лану и побежала к ней.

— Ты цела?

Лана отступила, наткнулась на лошадь.

— Простите. Вы меня с кем-то спутали.

Дея остановилась.

— Это я.

— Кто?

— Твоя сестра.

Слово прозвучало так просто, что от него стало тише, чем было внутри дома.

Ольма подошла к ним с раскрытой книгой.

— Путь должен был открыться после отказа. Не торопите её.

Она положила синий плащ между сёстрами. Белое пятно на странице дрогнуло. В нём возникли две девочки у каменного дома. На этот раз изображение не исчезло сразу.

Лана смотрела долго.

— У него было две двери, — сказала она.

Дея закрыла рот ладонью.

— Ты настоящая. Я хотела одну.

— Чтобы можно было выходить по отдельности, если поссоримся.

Лана не назвала Дею сестрой. Не обняла. Но подняла синий плащ, стряхнула пыль и протянула ей.

— Это, кажется, твоё.

— Моё.

— Тогда возьми. И расскажешь про дом. Только не всё сразу.

Ольма провела пальцем по белому пятну. По краям проступили несколько слов, середина оставалась пустой.

— Путь открыт, — сказала она. — Год не вернулся целиком, но теперь к нему можно идти.

Терен снял второй замок со стены. После отказа бумажная полоска освободилась из дужки. Он развернул её и прочёл полную насечку. Под основным условием мелкими буквами стояло имя: «Запись составил Ревель Сухой». Ниже — доля составителя: одно воспоминание о каждом споре, удержанном домом.

Вот чем Ревель торговал. Не только годами. Сведениями, вырванными из мест, где люди считали себя одни.

Терен передал бумагу Ольме.

— Сохрани.

— Теперь любишь записи?

— Теперь знаю цену тому, что не прочитал.

Она убрала полоску в белую застёжку сумки.

Над ярмаркой один из семи фонарей погас. Осталось шесть.

Но в доме зажглись четыре дверных проёма. Люди выходили через них, не дожидаясь полного мира, и уносили свои ссоры с собой.

Терен положил второй замок рядом с первым. Два тяжёлых корпуса стукнулись в ящике.

— Башня мер и весов, — сказала Олма. — Если Ревель приходит к полуночи, у нас меньше часа.

— Сначала Лана.

— Я останусь с ней на несколько минут. Ты найдёшь дорогу.

Терен посмотрел на шесть горящих фонарей. Каждый отмечал ещё один замок, ещё одно желание и чей-то год, о котором они пока не знали.

— Нет, — сказал он. — Пойдём вместе.

Олма хотела возразить, но увидела, что он не собирается решать за неё, а ждёт.

— Вместе, — согласилась она. — Но Лана и Дея идут с нами до ряда писцов. Не оставим новый провал посреди ярмарки ради старого врага.

Терен взял ящик. Теперь тот тянул плечо сильнее: два замка, два ключа, одна бумажная запись и два года чужой памяти, которых железо не умело вернуть.

Он больше не называл эту тяжесть работой.

Это была ответственность.

Глава 4. Литой Свидетель

Башня мер и весов была видна с любого ряда ярмарки. Днём она, вероятно, показалась бы нелепой: узкая, в четыре этажа, обвешанная коромыслами, гирями и медными чашами. Но ночью каждое коромысло ловило свет фонарей, и башня напоминала огромный стоящий безмен, на котором взвешивали саму ярмарку.

До неё оставалось три ряда, когда Лана остановилась.

— Я дальше не пойду.

Она сказала это спокойно, но пальцы так сильно сжимали повод, что побелели костяшки. Серая лошадь переступала рядом. Дея держалась на расстоянии вытянутой руки, будто боялась, что ещё один неосторожный жест сотрёт и то небольшое, что вернулось.

Ольма раскрыла семейную книгу на странице Ланы.

— Ряд писцов вон там. Видите зелёный навес?

— Вижу.

— Скажете старшему, что вас привела Ольма Ярова. Он даст отдельный лист. Запишите всё, что помните до пустого края, и всё, что вам расскажет Дея. Не старайтесь сразу поверить каждому слову.

Дея вздрогнула.

— Я не стану ей лгать.

— Я не о лжи. Чужой рассказ не должен притворяться собственной памятью. Иначе потом не разберёшь, что вернулось, а что ты приняла из жалости.

Лана посмотрела на Дею так, как смотрят на человека, которому предстоит доверить клад, не помня, откуда он взялся.

— Расскажешь про дом с двумя дверями.

— Расскажу.

— И почему у тебя мой плащ.

— Ты сама мне его дала.

— Вот с этого и начнёшь.

Они ушли к зелёному навесу. Дея не пыталась взять Лану под руку. Терен проводил их взглядом и поправил ремень ящика.

— Мы оставили их одних.

— Мы оставили их среди писцов, — ответила Ольма. — Это не одно и то же. Ты хотел не оставлять новый провал ради старого врага. Мы не оставили. Теперь идём.

Она говорила жёстко, но Терен услышал усталость. За последние полчаса сестра удержала края двух чужих утрат, нашла свою и ни разу не позволила себе сесть. Он хотел предложить понести сумку, однако не предложил. Ольма терпеть не могла помощь, которой прикрывали попытку распоряжаться ею.

Они двинулись к башне.

Чем ближе становились чаши весов, тем тише звучала ярмарка. Здесь не торговались криком. Покупатели клали на одну чашу вещь, на другую — обещанную цену и ждали, пока стрелка замрёт. В первой лавке женщина взвешивала сон без кошмаров против трёх счастливых утр. Во второй старик менял способность узнавать ложь на невозможность самому говорить неправду. У третьей мальчишка-служка отказывался принять гирию, на которой было написано «когда-нибудь».

— Точный вес! — повторял он. — Башня не принимает неопределённого!

Под башней стоял круглый помост. На нём помещались весы с чашами величиной с лодку. Левая была пуста. На правой сидели трое сборщиков в одинаковых серых плащах и считали монеты. Между ними лежала четвёртая шапка, но её хозяина не было.

Ревеля тоже не было.

Терен обошёл помост. У основания башни он увидел следы узких сапог: человек долго стоял на одном месте, потом резко повернулся и ушёл в сторону западных ворот. Рядом валялась полоска жёлтой бумаги.

Ольма подняла её щипцами из своей сумки.

— Свежая.

На бумаге было написано: «Доля составителя за семь удержанных споров». Ни имени, ни числа, ни печати.

— Опоздали, — сказал Терен.

Один из сборщиков перестал считать.

— Господин Ревель просил передать, что не любит, когда его заставляют ждать.

— Давно ушёл?

— Я не говорил, что он ушёл.

— Тогда где он?

Сборщик улыбнулся и вернулся к монетам.

Ольма положила жёлтую полоску на край пустой чаши. Чаша опустилась до земли. Сборщики разом перестали считать.

— Станный вес у клочка, — сказала она.

Терен поднялся на помост. Под подошвами загудели доски. Он заглянул в пустую чашу и увидел не бумагу, а комнату: Мелия сидела за столом напротив Ревеля и рассказывала о посетителях, которые ругались в её доме. Ревель не записывал. Он слушал, закрыв глаза, и после каждой истории касался пальцем виска. Воспоминания о спорах проходили к нему по договору.

Картина погасла.

— Это его доля, — сказал Терен.

— Уже была его, — возразил сборщик. — Теперь выставлена на вес.

— Кому?

— Тому, чья цена перевесит.

Ольма сняла бумагу. Чаша взлетела и ударилась о верхний упор. В башне что-то ответило протяжным металлическим звоном.

Сборщик вскочил.

— Положи обратно!

— Почему?

— Взвешивание начато.

— Кем?

Он не ответил.

Изнутри башни донёсся шаг.

Не стук сапога по ступени. Скорее, одна железная плита легла на другую. Потом ещё одна. Медные гири на стенах качнулись, хотя ветра не было. Мелкие весы в лавках одновременно выровнялись. Женщина, отдававшая счастливые утра, схватила свой свёрток и отступила. Старик с правдивым языком закрыл рот обеими ладонями.

В нижней стене башни проявилась дверь. Её прочертили строки мелкой насечки. Слова сцепились углами, стали косяками, петлями, замочной скважиной. Створка открылась внутрь.

На пороге стоял человек, отлитый из тёмного металла.

Он был выше Терена на голову и тоньше, чем позволило бы живое тело. Суставы его рук соединяли круглые шарниры. Вместо одежды по корпусу шли ряды печатей: круглые, квадратные, треснувшие, новые, стёртые чужими пальцами. Лицо закрывала гладкая маска с единственной вертикальной щелью. Внутри щели горел тусклый белый свет.

Терен уже видел его однажды.

Семь лет назад дух стоял за плечом Ревеля во время последней приёмки. Тогда он казался всего лишь дорогой фигурой, поставленной для важности. Ревель велел не обращать внимания: свидетель молчал, значит, возражений у договора нет.

Терен поверил человеку, который объяснил молчание духа.

— Литой Свидетель, — произнесла Ольга.

Металлическая голова повернулась к ней.

— Имя названо верно.

Голос шёл не из маски. Он звучал во всех гирях сразу.

Сборщики сошли с правой чаши. Один хотел спрыгнуть с помоста, но коромысло качнулось, и край чаши поймал его под колени.

— Взвешивание начато, — сказал дух. — Стороны обязаны остаться до определения цены.

— Мы не стороны, — поспешил сборщик. — Мы служители.

— Вы приняли плату на правую чашу.

— По приказу Ревеля Сухого.

— Приказ не отменяет действия.

Ольга тихо сказала Терену:

— Он так же удержит и нас, если положим что-то на чашу.

— Уже удержал, — ответил дух.

Белая щель в маске смотрела на ящик.

— Мастер принёс два предмета спорной записи. Переписчица принесла долю составителя. Вес требует второй цены.

Терен поставил ящик на доски, но рук с ремня не снял.

— Я ничего не выставял.

— Ты взошёл на помост с предметами.

— Не знал, что помост считает это согласием.

— Незнание не изменяет совершённого шага.

Терен почувствовал, как старый стыд сменяется злостью. Так Ревель и строил каждую запись: не заставлял человека лгать, а ставил его ногу туда, где шаг уже назывался согласием.

— Тогда я схожу.

Он отступил к краю. Доски под пяткой вытянулись на ладонь, сохранив расстояние до земли.

— До определения цены, — повторил Литой Свидетель.

— Какой цены?

— Равной доле составителя.

— Мы не покупаем его долю.

— Отказ допустим после предъявления второго веса.

Ольга открыла книгу.

— Назови запись полностью.

— Запрос не относится к взвешиванию.

— Относится. Мы должны знать, что лежит на первой чаше, чтобы предъявить равный вес.

Дух замер. Печати на его груди медленно повернулись, будто перебирали сцепленные условия.

— Требование допустимо.

Ольга взглянула на Терена, но торжества в её лице не было. Она нашла не слабость духа, а прямую дорогу через его буквальность.

Литой Свидетель протянул ладонь над жёлтой бумагой.

Из чаши поднялись голоса. Сначала Мелии, затем десятков людей, побывавших в доме без дверей. Фразы наслаивались, пока дух не сжал пальцы. Тогда остался один голос — Ревеля, молодой и ясный.

— Составитель получает по одному воспоминанию от каждого спора, удержанного стенами до мира. Воспоминание переходит после выхода спорящих или после прекращения спора. Полученное принадлежит составителю без обязанности возврата.

Ольма записала дословно.

— Это только доля второго замка. Покажи главную запись восьми.

— На чаше её нет.

Терен расстегнул ящик. Первый и второй замки лежали рядом, разделённые полотном. При появлении духа насечки на корпусах стали видны целиком. Тонкие линии опоясывали железо так густо, что казались шерстью.

— Теперь есть, — сказал Терен.

Он вынул первый замок и положил рядом с клочком.

Левая чаша просела ещё ниже. Башня застонала. На противоположной стороне трое сборщиков поднялись в воздух вместе с чашей и повисли над помостом.

— Ты добавил предмет после начала взвешивания, — сказал дух.

— Запрета не называли.

Белая щель стала ярче.

— Запрета нет.

Терен впервые понял, почему Ревель держал духа рядом. Литой Свидетель был опасен не потому, что всегда помогал составителю. Он помогал записи. Если знать её лучше остальных, можно вести людей между словами, как скот между изгородами.

Но изгородь одинаково не пропускала с обеих сторон.

— Назови главную запись, — повторила Ольма. — Она теперь на чаше.

Дух положил вторую ладонь над замком.

Насечка поднялась с железа серебряными нитями. Нити вытянулись над помостом, образуя строки. Терен узнавал собственные удары: здесь резец соскользнул на половину волоса, там он выправил букву, там ударил дважды по месту, которое Ревель назвал узором.

Именно он закрепил каждое слово.

Литой Свидетель прочёл:

— Восемь замков принимают добровольно удержанное желание владельца и исполняют его по произнесённому или совершённомому условию. За всякое первое исполнение и за всякое новое взыскание назначается плата: один год памяти одного случайно выбранного взрослого из круга людей, слышавших звон Серебряного Горна в ночь заключения записи. Выбор совершается без предпочтения, исключая владельца действующего замка, составителя записи и свидетельствующего духа. Пока владелец сохраняет выгоду, взысканная память остаётся отделённой. Добровольный отказ владельца прекращает выгоду и открывает путь к отделённому году через людей, вещи и места, связанные с ним. Кузнец подтверждает прочность записи своим клеймом. Составитель подтверждает точность назначения своим именем. Свидетель подтверждает исполнение без отклонения.

Над чашей повисла последняя строка: «Терен Яров. Ревель Сухой. Литой Свидетель».

Своё имя Терен увидел первым.

— Я подтверждал прочность железа, — сказал он.

— Запись не содержит слов «только железа», — ответил дух.

— Ревель сказал, что насечка украшает корпус.

— Слова Ревеля вне записи не изменяют запись.

— Ты слышал, что он сказал.

— Да.

— И промолчал.

— Мне не было задано вопроса.

Терен шагнул к нему.

— Ты видел, что меня обманывают.

— Я видел, что тебе сообщили неверное толкование.

— Это называется ложью.

— В запись не включён запрет составителю лгать о её смысле.

— А у тебя самого нет обязанности предупредить?

— Нет.

Ответ прозвучал без удовольствия и без стыда. Так молот отвечал бы, что у него нет обязанности щадить палец.

Ольма положила ладонь Терену на предплечье. Не утешая — останавливая.

— Он не человек, у которого можно вызвать совесть.

— Я свидетель, — сказал дух. — Совесть не названа условием свидетельства.

— Зато точность названа, — ответила она. — Сколько раз взыскана память?

Печати на груди снова повернулись.

— Вопрос относится к записи.

— Значит, отвечай.

— Первое исполнение каждого замка: восемь лет. Новые взыскания: один год с первого замка и один год со второго. Всего отделено десять лет памяти у десяти взрослых.

У Терена онемели пальцы.

Он знал о Раде, Лане и Ольме. Ещё семь человек ходили где-то по ярмарке или жили далеко от неё, не зная, почему в их прошлом появилась выжженная комната.

— Назови плательщиков.

— Запись назначает случайный выбор, но не передаёт свидетелю право раскрывать личность выбранного третьим лицам.

— Я их не третье лицо, — сказал Терен. — Моё имя в записи.

— Ты участник подтверждения, не владелец взысканной памяти.

— Ольма — одна из них.

Дух повернулся к ней.

— Если переписчица задаст вопрос только о себе, ответ допустим.

Ольма не сразу заговорила.

— Какой замок оплатил мой год?

— Пятый по порядкуковки.

— Каково его желание?

— Желание не раскрыто владельцем при свидетеле.

— Где замок?

— Местонахождение не является частью записи.

Терен вспомнил план: Ревель привозил корпуса по одному, никогда не называл хозяев. Пятый был маленьким, с ушком в виде язычка пламени. Терен тогда решил, что его повесят на домашний сундук.

— Когда у Ольмы отделили год?

— В ночь предыдущей ярмарки, через два часа и девять минут после первого общего звона.

Ольма прижала кончик пера к странице. Чернила расплылись круглым пятном.

— В ту ночь горела твоя кузница, — сказала она.

— Пожар был после полуночи.

— Нет. Так ты рассказывал. Мама заболела до ярмарки. Я весь год ухаживала за ней, а потом вдруг обнаружила себя у пепелища и услышала от тебя, что она умерла весной. Если мой год отделили через два часа после звона, кузница уже горела.

Терен хотел возразить. В памяти пожар стоял ясно: красная крыша, мокрые вёдра, Ревель возле колодца, чудом уцелевший горн. Но до огня зиял тёмный провал, который он никогда не считал подозрительным. Ночь была суматошной. Он принял восемь заказов, пил крепкий чай, не спал трое суток.

— Пятый замок, — произнёс он. — Я найду его.

— Сначала закончим здесь.

Ольма указала на поднятую чашу со сборщиками.

— Какой второй вес равен доле Ревеля?

Литой Свидетель опустил руки. Серебряные строки остались висеть над замком.

— Семь добровольно переданных воспоминаний о семи спорах. Либо одно воспоминание, признанное всеми сторонами семи споров равным их совокупной ценности.

Первый сборщик побледнел.

— У нас нет воспоминаний.

— Есть, — сказал второй. — У каждого есть.

— Я не отдам своё.

— Тогда будем висеть до рассвета?

— После рассвета башня исчезнет.

— А мы?

Они заговорили одновременно, обвиняя друг друга. Правая чаша дёрнулась выше. Башня принимала их новый спор в счёт чего-то, чего они ещё не понимали.

Терен посмотрел на жёлтый клочок.

— Мы не хотим долю Ревеля. Хотим отказаться от взвешивания.

— Предъявите второй вес, затем произнесите отказ.

— Можно предъявить саму память, не отдавая её?

— Предъявление не равно передаче, если это названо до помещения на чашу.

Ольма закрыла книгу.

— Ты учишься.

— Поздно.

— Поздно было бы после ещё восьми лет.

Она достала из белой застёжки бумажную полоску с записью дома без дверей.

— Мы предъявляем не воспоминание, а письменное свидетельство о семи спорах, долю от которых получил Ревель. Не передаём его башне и не предлагаем к покупке.

— Письменное свидетельство не является памятью, — сказал дух.

— Но на первой чаше лежит не память. Там лежит бумажная запись о доле. Ты сам показал нам воспоминания через неё. Значит, для взвешивания запись представляет полученное.

Литой Свидетель повернул маску к жёлтому клочку. Потом к полоске в руках Ольмы.

— Соответствие допустимо, если вторая запись содержит семь споров.

— Содержит больше.

— Излишек не увеличивает вес без требования владельца.

Ольма положила полоску на правую чашу и сразу сказала:

— Только предъявляем. Не передаём.

Коромысло рухнуло в равновесие. Сборщики закричали и попадали друг на друга. Обе чаши замерли на одном уровне.

— Цена определена, — произнёс дух.

— Мы отказываемся от покупки доли и от участия во взвешивании, — сказала Ольма.

— Отказ принят.

Доски помоста перестали тянуться. Терен шагнул вниз и на этот раз коснулся земли.

Ольма сняла свою полоску. Жёлтый клочок остался на левой чаше. Сборщики поспешно спрыгнули с правой и разбежались в три стороны, бросив монеты и четвёртую шапку.

— Ревель заставил их начать торг, чтобы задержать нас, — сказал Терен.

— Вероятно, — ответила Ольма. — Но предположения в книгу не пишут.

Литой Свидетель сошёл с помоста. Каждая доска под ним темнела, словно на неё ставили горячую печать.

Терен закрыл ящик, оставив первый замок снаружи.

— Запись можно прекратить?

— После добровольного отказа всех восьми владельцев выгода прекратится. Отделённые годы получают открытый путь к возвращению.

— Владельцев семь. Мелия уже отказалась.

— Владельцев осталось семь. Замков восемь.

— Значит, один владеет двумя?

— Нет.

— Тогда чей восьмой?

— Владелец не назван в доступной части записи.

Ольма вскинула голову.

— Доступной кому?

— Вам.

— А кому доступна вся?

— Составителю, кузнецу и свидетелю после предъявления восьми предметов одновременно.

Терен сжал ручку ящика.

— Если мы соберём все замки, ты покажешь полную запись?

— Да.

— Даже если Ревель запретит?

— Запрет составителя после закрепления не изменяет условия.

Вот почему Ревель пытался задержать их, а не просто велел духу молчать. Он тоже был внутри изгороди.

— Что случится с замками до рассвета? — спросила Ольма.

— Каждый владелец получил сегодня требование подтвердить выгоду. Подтверждение словом или действием вызывает новое взыскание. Отсутствие подтверждения до закрытия ярмарки сохраняет прежнюю выгоду без нового взыскания до следующего исполнения.

— Сивер велел замку облегчить гирю. Мелия снова заперла людей. Они подтвердили.

— Да.

— Остальные уже могли сделать то же самое.

— Да.

— Сколько?

— После второго замка новых исполнений не отмечено.

Пока. Слово не прозвучало, но Терен услышал его в скрипе чаш.

— Почему письма пришли всем именно сегодня?

— Вопрос относится к действиям отправителя, не к записи.

— Отправитель Ревель?

— Имя отправителя не закреплено.

Дух отвечал на точный вопрос и оставлял по сторонам пропасти. Терен заставил себя не бросаться к следующему.

— Можно ли остановить новое взыскание, не найдя владельцев?

— Можно уничтожить замки.

Он сказал это так просто, что Терен невольно посмотрел на молот у пояса.

— И что тогда будет с отделённой памятью?

— Путь к ней останется закрытым навсегда.

Ольма выдохнула сквозь зубы.

— Значит, нельзя.

— Вопрос был о взыскании, не о возвращении.

— А если повредить замок, чтобы он не исполнил желание?

— Повреждение, не уничтожающее запись, вызывает исполнение защиты. Цена защиты — год памяти случайного взрослого из того же круга.

Терен вспомнил, как хотел разбить первый замок молотом. Если бы Ольма не остановила его, где-то ещё один человек лишился бы года.

— Есть ли способ открыть их без отказа владельца?

— Есть.

Ольма быстро подняла перо.

— Какой?

— Предъявить право, превосходящее право каждого владельца на выгоду.

— Чьё право?

— Оно не названо.

— Что может его создать?

— Общее условие восьми замков, доступное после их предъявления.

Круг снова замкнулся: чтобы узнать, как открыть все, требовалось сначала собрать все.

Над ярмаркой погас ещё один фонарь. Осталось пять.

До рассвета было далеко, но ночь уже начала убывать. Владелец любого из шести оставшихся замков мог в эту минуту повторить своё желание и вырвать год у незнакомого человека.

Терен убрал первый замок в ящик.

— Ты пойдёшь с нами.

Литой Свидетель не шевельнулся.

— На каком основании?

— Ты свидетель этой записи.

— Свидетель не обязан сопровождать стороны.

— Но обязан подтвердить исполнение без отклонения.

— Да.

— Как ты подтвердишь его из башни?

— Я присутствую при каждом исполнении через закреплённое железо.

— Тогда явись через него, когда я позову.

— Запись не содержит права кузнеца призывать свидетеля.

Ольма перелистнула записи и постучала ногтем по строке, которую только что сделала.

— Полная запись доступна кузнецу после предъявления восьми предметов. Чтобы представить её, свидетель должен присутствовать там, где предъявлены предметы.

Белая щель повернулась к ней.

— Верно.

— Значит, когда мы соберём восемь замков и предъявим их Терену, ты обязан явиться.

— Да.

— Где бы мы ни находились?

— Если место допускает свидетельство и все предметы принадлежат записи.

— Что значит «допускает свидетельство»?

— Есть тот, кто задаёт вопрос, тот, кто отвечает, и третий, способный услышать обоих.

Ольма закрыла книгу.

— Нас двое. Третий найдётся.

Дух развернулся к двери башни.

— Подожди, — сказал Терен. — Последний вопрос. Почему ты отвечаешь нам сейчас, если семь лет молчал?

Литой Свидетель остановился.

— Сейчас мне заданы вопросы.

— И ты никогда не солжёшь?

— Ложь нарушила бы свидетельство.

— Но можешь не называть то, о чём не спросили.

— Да.

— Можешь ответить так узко, что мы сделаем неверный вывод.

— Вывод не является моим ответом.

— Можешь исполнить условие, даже если из-за него пострадает невинный.

— Невинность не включена в порядок выбора.

Терен кивнул. Теперь он видел противника ясно. Не чудовище, которое питается памятью. Не сообщника, которого можно напугать разоблачением. Литой Свидетель был совершенным инструментом плохой записи и исполнял её с той же точностью, с какой хороший клинок резал и хлеб, и горло.

— Тогда в следующий раз мы спросим лучше.

— Лучший вопрос не назван мерой точности.

— Назовём сами.

Дух вошёл в башню. Дверь рассыпалась на строки, строки свернулись в тонкую насечку и исчезли. Весы вокруг снова качнулись. Торговцы заговорили, но уже тише прежнего.

На левой чаше остался жёлтый клочок с долей Ревеля.

Ольма забрала его.

— Ты сказала, что мы не покупаем долю, — напомнил Терен.

— Не покупаем. Это брошенная запись, которая касается пострадавших. Я сохраню её как свидетельство.

— Башня не удержит?

— Взвешивание окончено. А если удержит, зададим вопрос лучше.

Она спрятала клочок рядом с полоской Мелии.

Терен посмотрел на следы узких сапог. Они вели к западным воротам, но теперь он заметил странность: отпечатки становились глубже по мере удаления от башни, будто человек нёс всё больший груз. Возле лавки правдивого языка след оборвался. Зато на стене соседнего шатра висела свежая записка.

«Если кузнец хочет вернуть чужие годы, пусть сначала вспомнит, какое чудо купил для себя».

Подписи не было.

Ольма прочла через его плечо.

— Пятый замок.

— Я не покупал чудо.

— Литой Свидетель сказал, что пятый забрал мой год в ночь пожара. Ревель знает, что это значит.

— Он хочет, чтобы мы искали прошлое вместо остальных замков.

— Значит, не дадим ему выбрать порядок.

Она сорвала записку и вложила в книгу.

— Сколько у нас ключей?

Терен открыл боковой карман ящика. Там лежали ключ Сивера, четыре коротких ключа дома без дверей и связка пустых заготовок.

— От замков — два. Железных — пять.

— А замков осталось шесть.

— До рассвета.

Они подняли головы. Пять фонарей горели над ярмаркой, каждый над своей частью тёмных рядов. Теперь Терен понимал: это не часы. Это счёт замков, ещё способных потребовать цену.

Где-то далеко, за башней, ударил колокол.

Один из пяти огней мигнул.

Терен захлопнул ящик.

— Бежим.

Глава 5. Восемь ключей до рассвета

Мигающий фонарь висел над восточным краем ярмарки.

Терен бежал, прижимая ящик к боку. Замки внутри били друг о друга. Каждый удар отдавался в локте, словно железо пыталось подсказать направление, но оба корпуса тянули назад, к прежним владельцам. Для поиска остальных они были бесполезны.

Ольма не отставала. На ходу она убрала книгу под ремень сумки, чтобы не распахнулась. Перо всё ещё держала в зубах.

— Что там? — спросила она, когда фонарь снова померк.

— Ряд воды и огня.

— Очень точный адрес.

— Там торгуют тем, что не должно уживаться вместе.

Они миновали бассейн с горящими рыбами, лавку сухого дождя и тележку, на которой женщина разливала по бутылкам ручной гром. Люди смотрели вверх. Свет фонаря сжимался и разгорался в такт далёкому металлическому стуку.

Терен узнал этот ритм.

Кто-то поворачивал ключ и не мог повернуть.

За тележкой грома стояла круглая печь. Она была сложена из голубого льда, но в открытой пасти бушевало пламя. Перед печью мужчина в обгорелом кафтане держал ключ обеими руками. Ключ входил в замок на дверце. Мужчина тянул вправо; замок сопротивлялся, и при каждом усилии фонарь над рядом гас.

— Отпустите! — крикнул Терен.

Мужчина оглянулся.

— Наконец-то кузнец! Чини скорее!

Он снова навалился на ключ.

Терен поставил ящик, прыгнул на каменный бортик и ударил рукоятью молота по запястьям мужчины. Тот вскрикнул. Ключ остался торчать в скважине, но перестал поворачиваться.

Фонарь вспыхнул ровно.

— Ты с ума сошёл? — Мужчина прижал руки к груди. — Там мой огонь!

— Пока ваш. Ещё пол-оборота — и за него заплатит чужая память.

Из печи донёсся треск. В глубине пламени проступил силуэт маленького дома. Огонь лизал его крышу, не сжигая.

Ольма подбежала и сразу посмотрела не на замок, а на людей вокруг.

— Белой нити нет.

— Взыскание не началось, — сказал Терен.

Мужчина выпрямился.

— Какое взыскание? Я заплатил семь лет назад.

— Назовите имя.

— Корн Ладож. Печной мастер. А ты Терен Яров, если память мне не изменяет. Сам ковал.

— Что делает замок?

— Сохраняет первый огонь. Любая печь, зажжённая от него, не чадит, не гаснет от воды и не ест лишних дров.

— И что вы сейчас хотели?

— Разбудить его. Ярмарка прислала требование подтвердить право до пятого фонаря.

Иначе огонь достанется другому.

Ольма вынула чистый лист.

— Покажите требование.

Корн достал из внутреннего кармана медную пластинку. На ней были выбиты три строки: «Владелец обязан подтвердить сохранённую выгоду новым действием до угасания пятого света. Неподтверждённое будет взвешено как оставленное».

— Здесь не сказано, что огонь достанется другому, — заметила Олма.

— Посыльный объяснил.

— Как выглядел?

— Серый плащ. Узкое лицо. Говорил вежливо.

Ревель не просто разослал письма. Он дал владельцам неверное толкование, как когда-то Терену.

— Подтверждение вызовет новую плату, — сказал Терен. — Год памяти случайного человека.

Корн посмотрел на печь.

— Моего человека?

— Нет. Любого взрослого, слышавшего звон прошлой ярмарки. Кроме вас, Ревеля и Литого Свидетеля.

— Тогда, может, уже умершего.

— С мёртвого год не возьмёшь.

— Богатого.

— Случайного.

Корн потёр ушибленные запястья.

— Откуда ты знаешь?

Олма развернула копию главной записи и прочла условие. Пока она читала, у печи собирались люди. Корн слушал, всё чаще поглядывая на Тереново клеймо на замке.

— Ты это выковал.

— Да.

— И семь лет молчал.

— Да.

— А теперь предлагаешь мне отдать огонь, на котором держатся четыре мастерские?

— Предлагаю не платить чужим годом.

— Мои печи кормят сорок семей.

— Тогда у вас есть что объяснить сорока семьям.

Корн шагнул к ключу.

Терен встал между ним и печью.

— Не трогай меня, кузнец.

— Не стану. Но вслух назовите, что делаете. При всех.

— Я сохраняю огонь.

— Ценой года незнакомого человека.

Корн молчал. Толпа тоже. Ручной гром на соседней тележке ворчал в бутылках.

— Если я откажусь, память вернётся? — спросил он.

— Откроется путь. Не сразу и не целиком.

— Кому?

— Мы пока не знаем.

— Удобно. Огонь отдам сейчас, а год, может, никому не вернётся.

Олма подошла к ледяной стенке печи. Поднесла круглое стекло. Чёрная стрелка дрогнула и показала внутрь.

— Отделённый год связан с огнём. Я вижу край.

— Чей?

— Без владельца памяти не скажу. Но он существует.

Корн посмотрел на дом в пламени.

— Дайте мне час.

— До пятого фонаря меньше часа, — сказала Ольма.

— Потому и прошу.

— За час Ревель обойдёт остальных.

Терен вынул ключ из замка. Корн схватил его за рукав.

— Это моё.

— Возьмите. Но не вставляйте, пока не решите вслух.

Он положил ключ Корну на ладонь. Ольма резко повернулась к брату, однако промолчала.

Корн сжал ключ.

— Ты мне доверяешь?

— Нет. Я оставляю вам ваш выбор и свидетелей. Если решите взять чужой год, никто не сможет сказать, будто виноват только замок.

Печной мастер оглядел людей. Спрятать решение уже не получалось.

— Как остановить огонь без отказа?

— До рассвета не поворачивать ключ. Потом замок сохранит прежнюю выгоду до следующего применения. Но старый год останется отделённым.

— А если отказаться сейчас?

— Огонь станет обычным. Печи придётся топить и чинить обычным способом.

Корн долго смотрел на пламя, которое не боялось льда.

— Я созову мастеров. До решения ключ останется у неё.

Он отдал ключ пожилой женщине в закопчённом переднике.

— Мара, если потянусь — бей лопатой.

— Давно хотела, — ответила она.

Фонарь над рядом перестал мигать.

Ольма записала имя Корна, вид замка и срок.

— Это третий, — сказала она. — Но мы его не забрали.

— Он не отказался.

— Значит, придётся вернуться.

— Придётся.

— До рассвета.

Терен посмотрел на медную пластинку.

— На ней сказано «до угасания пятого света». Ревель гонит их не к рассвету. Ему нужно, чтобы все подтвердили раньше.

— Литой Свидетель сказал: отсутствие подтверждения сохраняет выгоду без нового взыскания. Значит, угасание — ложная угроза посыльного.

— Но почему пятый свет?

Ольма подняла голову. Пять фонарей горели. Тот, который только что мигал, был крайним восточным.

— Может, это не порядковый номер. Пятый оставшийся.

Над башней мер и весов ударил колокол. Один раз.

С восточного фонаря отделилась искра и полетела к центру ярмарки. Четыре других ответили. Пять огненных нитей сошлись над высокой крышей, которую Терен раньше принимал за павильон часовщиков.

На крыше вспыхнула карта.

Восемь маленьких огней образовали круг. Два были чёрными, один — синим, пять — золотыми. Под каждым на мгновение проступил знак: гиря, дом, пламя, глаз, мост, колыбель, лира и кузнечное клеймо.

Потом карта погасла.

— Видела? — спросил Терен.

Ольма уже рисовала знаки.

— Два чёрных — те, что сработали. Синий — этот, начатый и остановленный. Пять золотых ещё не трогали.

— Значит, фонари считают не время.

— Они показывают состояние замков. А Ревель заставляет владельцев думать, будто это часы.

Корн подошёл ближе.

— Павильон принадлежит распорядителям ярмарки. Там хранят списки мест и сборов.

— Владельцев тоже?

— Если они платили за место.

— Ведите, — сказал Терен.

— Я должен собрать мастеров.

— Тогда скажите дорогу.

Корн указал между двумя ледяными печами.

— Прямо до ряда календарей, потом налево у продавца вчерашнего хлеба. У входа потребуют восемь разрешений. Не спорьте со сторожем: он глух к словам, которых нет на бумаге.

Они побежали снова.

Павильон оказался меньше, чем казался издали. Высокую крышу держали тонкие столбы, а стен не было. Под ней стояли шкафы с тысячами ящичков. За конторкой сидел старик с ушами, залитыми сургучом. Перед ним лежала книга разрешений.

— Нам нужен список владельцев восьми мест, — сказала Ольма.

Старик постучал по сургучу и показал на книгу.

Терен написал: «Просим доступ к записям о местах, где установлены восемь замков с клеймом Терена Ярова».

Старик прочёл, перевернул страницу и написал в ответ: «Разрешение владельца клейма».

Терен поставил подпись.

Старик дописал: «Разрешение составителя записи».

— Ревеля нет, — сказал Терен, забыв о сургуче.

Ольма взяла перо: «Составитель скрывается и вводит владельцев в заблуждение. Просим доступ для предотвращения новых взысканий».

Старик прочёл и написал: «Правила не знают слова “скрывается”».

— А какое знают? — спросила Ольма на бумаге.

«Отсутствует».

Она зачеркнула свою строку и вывела: «Составитель отсутствует. Запрашивает кузнец, чьё клеймо закрепляет запись, в присутствии переписчицы пострадавших».

Старик задумался, достал из-под конторки маленькие весы и положил на чашу записку. На другую попросил Теренов молот и Ольмину книгу. Весы выровнялись.

Он открыл проход.

— Иногда точный вопрос полезнее громкого, — сказала Ольма.

— Не начинай говорить как он.

— Как кто?

— Литой Свидетель.

— Я хотя бы предупреждаю, когда вижу неверный вывод.

Внутри каждого ящичка лежала карточка места. Искать по клейму оказалось невозможно: распорядители записывали товар, владельца и плату, но не мастера. Терен перечислил знаки с огненной карты. Старик принёс восемь связок.

Гиря принадлежала Сиверу. Дом — Мелии. Пламя — Корну.

Знак глаза стоял на карточке «Галерея верных отражений», владелица — Инара Вель, портретчица.

Мост был записан как «Переход через всякую преграду», плательщик места — городской совет Трёх Берегов, смотритель — Дорн Мета.

Колыбель относилась к «Тихому шатру госпожи Савины Рей», где обещали сон детям и взрослым.

Ли́ра принадлежала певице Кларе Неж, выступавшей на площади голосов.

Последняя карточка, со знаком кузнечного клейма, не содержала названия места. В строке владельца стояло: «Предъявитель права мастера». Плата за место была внесена заранее на имя Терена Ярова.

Он перечитал трижды.

— Я не платил.

Ольма сравнила почерк с запиской Ревеля.

— Здесь рука распорядителя. Но кто-то предъявил твоё право.

— Какое?

Старик постучал пальцем по подписи внизу. Терен узнал её. Семь лет назад он расписался за приём места, хотя никакого места не видел. Ревель подал ему стопку бумаг между двумя заказами и сказал, что ярмарка требует подтвердить право ставить клеймо.

— Восьмой владелец — я, — произнёс Терен.

— Литой Свидетель сказал, что владелец не назван в доступной нам части.

— Потому что здесь назван не человек. «Предъявитель права мастера».

— Сейчас это можешь быть ты. Или тот, кто докажет, что получил твоё право.

Ревелева записка снова зазвучала в памяти: «Пусть сначала вспомнит, какое чудо купил для себя».

— Он хочет, чтобы я предъявил право, — сказал Терен. — Тогда стану владельцем по записи.

— И, возможно, подтверждаю чудо действием.

— Не предъявлять ничего, пока не увидим замок.

Ольма переписала список в книгу. Возле каждого имени оставила место для решения и пострадавшего.

— Маршрут, — сказала она. — Ли́ра ближе всего. Потом глаз, колыбель и мост. Корн созывает мастеров здесь. Сивер у южных весов. Мелия уже отказалась. Восьмое место неизвестно.

Терен разложил карточки по схеме рядов. Если идти по кругу, они потеряют время на мосте. Если разделиться, Ольма сможет говорить с владельцами, но без кузнеца не остановит замок. Он сможет вынуть ключ, но не увидит края памяти.

— Не разделяемся, — сказал он.

— На этот раз согласна.

— Площадь голосов, галерея, тихий шатёр, мост. Потом Корн и Сивер.

— А восьмой?

— Будем искать по дороге.

Старик с сургучными ушами протянул им ещё одну карточку. На ней значилось время закрытия: «Рассвет наступает после седьмого общего звона, независимо от положения солнца». Внизу были отметки. Первый звон уже прозвучал.

Ольма показала запись Терену.

— Вот наш настоящий срок.

— Шесть звонов.

— На шесть замков.

— Один уже у Корна.

— И он ещё не решил.

Словно услышав их, колокол ударил второй раз.

Крыша павильона вспыхнула картой. Синий огонь пламени оставался синим. Пять золотых дрогнули. Знак лиры налился белым светом.

С площади голосов донеслась песня.

Женский голос взял такую высокую ноту, что стеклянные вывески задребезжали. Люди замерли, подняв лица. Песня была прекрасной, но Терен слышал под ней знакомый металлический поворот.

Ключ вошёл в четвёртый замок.

— Клара подтверждает выгоду, — сказала Ольга.

Белый огонь на карте начал темнеть по краям.

Терен сгреб карточки, вернул чужие старику и сунул список за пазуху.

— Сколько до поворота?

Он слушал песню, как слушал железо под молотом. Первый куплет поднимал дужку. Второй натягивал скрытое слово. На припеве механизм замкнётся и выберет память.

— Меньше песни.

Они выскочили из павильона.

Площадь голосов лежала через два ряда, но пройти прямо было нельзя: между ними продавали расстояния, и неосторожный шаг мог растянуть десять саженей в версту. Терен победил по деревянному настилу, где каждая доска была подписана настоящей длиной.

Клара закончила первый куплет.

Толпа впереди заплодировала. Белый свет лиры потемнел наполовину.

— Если не успеем? — спросила Ольга.

— Удержишь связь.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Есть. Что сделаешь с замком?

Терен перескочил пустую доску, под которой вместо земли зияло несколько чужих дорог.

— Не ударю. Не сломаю. Выну ключ до конца припева.

— А если она не отдаст?

— Назову цену при всех.

— А если выберет чудо?

Этот вопрос он уже оставил Корну. Там у них было время на свидетелей и решение. Здесь оставались два куплета.

— Тогда это будет её выбор, — сказал Терен. — Но я не позволю ей назвать его бесплатным.

Песня поднялась над крышами. Голос Клары был чистым, сильным и слишком молодым для женщины, чьё имя Терен помнил по ярмарке семилетней давности.

На площади люди плакали от восторга.

Над ними горел знак лиры.

И от его нижнего края уже отделялась тонкая белая нить.

Глава 6. Слово под железом

Белая нить тянулась от знака лиры не к одному человеку. Она скользила над головами, пробовала толпу, как слепой палец пробует край стола, и всякий раз меняла направление. На миг она коснулась плеча старика с корзиной стеклянных яблок, затем перескочила к женщине в синем тюрбане, потом потянулась к мальчику, стоявшему у помоста.

У мальчика нить погасла. Запись не брала с детей.

Она метнулась дальше.

Терен сбил плечом гирлянду медных язычков и выскочил на площадь. Олма не отставала, хотя её книга била по бедру при каждом шаге. Перед помостом стояло столько людей, что пробиться к певице было невозможно. Они теснились между лавками, забрались на бочки, висели на столбах. Одни плакали, другие улыбались, третьи держали ладони у горла, словно надеялись унести с собой хотя бы дрожь последней ноты.

Клара Неж стояла под серебряным навесом. Ей было лет сорок пять, но голос звучал так, будто не знал ни простуды, ни усталости, ни прожитых зим. Светлые волосы были собраны высоким узлом. На шее висела короткая цепь, а к ней крепился маленький замок в виде лиры. Ключ торчал между ключицами. При каждом взятом звуке он понемногу поворачивался сам.

Терен узнал свою работу. Корпус он ковал из звонкого железа, которое снимали с колокольных языков. Семь лет назад Клара сказала, что желает сохранить то единственное, что принадлежит ей без чужого разрешения. Она не назвала голос. Терен не попросил назвать.

Теперь несказанное слово двигало ключ.

Клара начала припев.

Терен попытался протиснуться между слушателями. Мужчина в шапке с павлиньими перьями оттолкнул его локтем.

— Не мешай!

— После припева кто-то из вас потеряет год памяти!

Мужчина даже не повернул головы. Голос Клары накрывал слова Терена и делал их мелкими, ненужными. Он крикнул снова, но услышали только двое рядом. Один засмеялся, решив, что это ярмарочная шутка.

Олма ухватила брата за ремень.

— К помосту не успеем. Где замок слышит её?

Терен посмотрел на серебряный навес. От четырёх стоек к центру шли тонкие проволоки. Они сходились над головой певицы и спускались к медному цветку у её ног. Цветок собирал звук и передавал его на цепь.

— Везде под навесом.

— Можно заглушить?

— Тогда толпа нас растопчет.

— Не толпа. Замок.

Терен увидел у края площади стойку настройщика. На ней висели камертоны, колокольчики и полосы разных металлов. За стойкой никого не было: хозяин забрался на крышу лавки и слушал Клару, прижав руки к груди.

Терен схватил самую длинную железную полосу.

— Держи за этот конец.

Олма взялась обеими руками.

— Что ты сделаешь?

— Дам замку другое железо.

Он приставил полосу к ближайшей стойке навеса. Между ними оставалась сажень, но звук уже дрожал в металле. Терен вынул молот, повернул его плоским бойком и ударил.

Низкий гул прошёл по полосе. Ольга едва удержала её. Гул добрался до серебряной стойки, поднялся к проволокам и вошёл в медный цветок.

Ключ на груди Клары остановился.

Певица не сбилась. Она взяла следующую ноту, ещё выше. Ключ дёрнулся и снова пошёл вправо.

Терен ударил второй раз. Теперь он слушал не песню, а механизм. В замке было четыре пружины: три отзывались на голос, четвёртая — на намерение певицы сохранить его. Перебить звук было мало. Нужно было удержать ту пружину, которая считала исполнение желанием.

— Скажи ей остановиться! — крикнул он Ольме.

— Она не услышит.

— Не ей. Записи.

Ольма поняла. Она распахнула книгу на чистой странице, положила на железную полосу и крупно написала: «Исполнение оспорено до завершения».

— Чьим правом? — спросила она.

— Моим клеймом.

— Ты сам говорил не предъявлять право мастера.

— Не право владельца. Право изготовителя остановить неисправность.

— Это есть в договоре?

— В цеховом правиле.

— А договор его признаёт?

Терен вспомнил листы, которые подписывал не читая. Ревель мог исключить цеховое правило одной строкой. Мог оставить его, чтобы в нужную ночь заставить кузнеца предъявить клеймо.

Белая нить выбрала женщину в синем тюрбане. Обвилась вокруг её запястья и начала наливать светом. Женщина продолжала слушать, ничего не чувствуя.

— Сейчас узнаем, — сказал Терен.

Он перевернул молот клеймом на пятке, прижал к написанной строке и ударил по рукояти ладонью. На бумаге отпечатался знак раскрытой дужки.

Железная полоса выгнулась. По ней пробежали буквы: «Оспаривание принято до выяснения свойства».

Ключ замер за толщину волоса до конца поворота.

Белая нить на запястье женщины ослабла, но не исчезла.

Клара допела припев. Площадь взорвалась криками. Певица поклонилась и только тогда заметила, что ключ не дошёл. Она коснулась его пальцами. Замок обжёг её; Клара отдёрнула руку.

— Кто оспорил? — спросила она.

Ей не пришлось повышать голос. Даже обычные слова разнеслись под навесом так же ясно, как песня.

Терен поднял молот.

— Изготовитель.

Толпа расступалась неохотно. Люди ворчали, когда Терен и Ольга пробирались к помосту. Женщина в синем тюрбане посмотрела на бледную нить у себя на руке.

— Что это?

Ольма остановилась рядом.

— Не двигайтесь за пределы площади. Ваше имя?

— Нерия Ло. Я торгую красками.

— Какой год вы не готовы потерять?

Нерия нахмурилась.

— Любой.

— Назовите один, чтобы удержать связь.

Толпа вокруг стала слушать уже их, а не Клару. Нерия прижала ладонь к груди.

— Год, когда мы с дочерью открыли лавку. Прошлый.

— Имя дочери?

— Аста.

— Где она?

Девушка, стоявшая в трёх шагах, подняла руку. Ольма подвела её к матери и велела держать ту за свободную ладонь.

— Повторяйте друг другу: Нерия и Аста, лавка красок, прошлый год. Пока нить не исчезнет.

— Почему она должна исчезнуть? — спросила Клара с помоста.

— Потому что вы не завершите поворот, — ответил Терен.

Он поднялся по ступеням. Двое музыкантов преградили дорогу, но Клара жестом отпустила их. Вблизи она выглядела на свой возраст. У глаз лежали тонкие складки, на левой щеке темнело пятно, которое пудра не скрыла. Только голос оставался невозможным.

— Этот замок мой, — сказала она.

— Да.

— Я заплатила за него.

— Не ту цену, которую он берёт.

Терен указал на Нерию. Белая нить пульсировала в такт имени, которое мать и дочь повторяли друг другу.

Клара посмотрела на них, но пальцы её легли на ключ.

— Ревель предупредил: если не подтвержу дар до третьего звона, голос вернётся в тот день, когда я получила замок. Семь лет исчезнут. Все песни, все выступления, всё, что я смогла сделать.

— На пластине было написано иначе?

— Пластину принёс посыльный. Я её не читала. Он прочёл.

Ольма поднялась на помост.

— Где она?

Клара кивнула музыканту. Тот достал из футляра медную пластинку. Ольма прочла вслух: подтверждение выгоды новым действием, взвешивание оставленного. Ни слова об исчезновении семи лет.

— Посыльный солгал о смысле, — сказала она.

— Возможно. Но замок остановился. Значит, без подтверждения что-то произойдёт.

— Произойдёт выяснение свойства, — сказал Терен. — Я заявил неисправность.

— Как удобно. Ты изготовил вещь, которая семь лет служила мне, а в нужную минуту назвал её неисправной.

— Она семь лет служила вам за чужой счёт.

Клара приблизилась. Её обычный голос не был молодым. В нём слышалась хрипота человека, который слишком много пел на холоде.

— До замка я просыпалась и проверяла, могу ли ещё взять нижнее соль. Перед каждым выступлением думала, не треснет ли верхняя нота. Хозяева залов платили молодым и велили мне благодарить за остатки. Ревель предложил не вечную молодость. Только чтобы голос не уходил раньше меня. Я согласилась.

— Вы согласились отдать год своей памяти?

— Он сказал, что плата войдёт в цену работы.

— Я сказал то же, — признал Терен. — Потому что поверил ему и не прочёл насечку.

— Тогда чья это вина: моя или твоя?

— Не Нерии.

Клара посмотрела на женщину в тюрбане. Та продолжала повторять имя дочери. С каждым повтором нить бледнела, но ключ на груди певицы мелко дрожал, стремясь завершить движение.

— Сними его, — сказала Клара. — Проверь. Если лжёшь, я доверну ключ.

— Для проверки нужно ваше разрешение коснуться замка и вынуть ключ.

— Разрешаю проверить. Не разрешаю ломать, менять условие или лишать меня голоса.

— Запиши, — сказал Терен Ольме.

Она записала слова точно и попросила Клару поставить знак. Певица начертила на полях ноту с перечёркнутым хвостом.

Терен надел кожаные напалечники. Сначала придержал дужку, затем коснулся ключа. Железо было горячим, хотя кожа Клары под ним оставалась прохладной. Он повернул ключ назад на волос. Белая нить дёрнулась. Нерия ахнула и назвала дочь громче.

— Не вынимай резко, — сказала Ольга.

— Знаю.

— В прошлый раз ты тоже многое знал.

Терен не ответил. Он нашёл ногтем крошечный паз под головкой ключа и нажал. Внутри щёлкнула удерживающая лапка. Ключ вышел без поворота.

Белая нить упала на доски помоста, как выцветшая пряжа, и растаяла.

Нерия и Аста замолчали. Мать коснулась лица дочери, потом рассмеялась от облегчения. Люди вокруг заговорили разом.

Клара прижала ладонь к горлу и пропела короткую ноту. Голос остался чистым.

— Пока ничего не отнято, — сказал Терен. — Старое чудо действует. Новое взыскание остановлено.

— Надолго?

— Пока не вставите ключ снова. Или пока не откажетесь.

— Я не отказалась.

— Я услышал.

На краю помоста появился человек в сером плаще. Узкое лицо, вежливая улыбка. Терен заметил его одновременно с Ольмой.

— Посыльный! — крикнула она.

Человек шагнул за серебряную стойку. Терен бросился к нему, но толпа сомкнулась, освобождая дорогу совсем не там, где нужно. Серый плащ мелькнул между лавкой свистулек и лестницей, ведущей на висячий балкон.

Ольма успела схватить только сорванную с его рукава пуговицу. На плоской медной поверхности был вырезан знак сухой ветви.

— Ревель Сухой, — сказала она. — Любит подписывать даже ложь.

— Это не он. Слишком молодой.

— Значит, нанял человека.

Терен вернулся к Кларе. Та сняла цепь через голову и положила замок на край пюпитра.

— Проверь. Здесь, при мне.

Он поставил рабочий ящик на помост. Инструменты внутри звякнули, и Терен впервые за ночь почувствовал себя там, где понимал порядок действий. Железо не требовало прощения. Оно показывало удар, температуру, примесь и руку. Но как раз железом он прикрывался все семь лет, будто точность ремесла могла заменить точность вопроса.

Замок был величиной с детскую ладонь. Лицевая пластина изображала струны лиры. По краю шла декоративная вязь: листья, птичьи горла, волны. Семь лет назад Ревель принёс восемь таких рисунков на тонкой восковой бумаге. Сказал, что владельцы хотят отличать работу друг от друга. Терен нагрел пластины, положил рисунки сверху и прошёлся узким чеканом. Там, где линия казалась толще, он бил дважды.

— Мне нужен свет сбоку, — сказал он.

Музыкант снял со стойки лампу. Ольга держала круглое стекло над замком. Под прямым светом вязь была узором. Когда лампу опустили почти к доскам, тени в насечке соединились в мелкие знаки.

Ольга наклонилась.

— Это не один текст.

— Два, — сказал Терен. — Верхний читается по выпуклым краям. Нижний — по теням.

— Ты умел такое ковать?

— Умел чеканить по рисунку.

— Я спросила не это.

Он провёл ногтем по листу. Потом по птичьему горлу. Толстые удары действительно складывались в знакомую формулу цехового украшения: имя мастера, металл, место и год. Так Терен читал их тогда. Между толстыми ударами оставались тонкие косые зарубки. По отдельности они выглядели царапинами от резца. Вместе, если повернуть замок горлом к лампе, становились буквами договорного письма.

Ольга переписывала знак за знаком.

— «Сохранить названное в несказанном виде...» Дальше закрыто струной.

Терен взял тонкую иглу и ввёл в отверстие не глубже ногтя.

— Не вскрывай корпус, — предупредила Клара.

— Не вскрываю. Поднимаю пластину до первого упора.

Он нажал. Струна на лицевой стороне отошла на толщину бумаги. Под ней обнаружился ряд насечек, которых нельзя было увидеть после сборки.

Терен застыл.

Он помнил этот ряд. Не рисунок Ревеля — собственную руку. Восковая бумага порвалась на третьем замке, и Терен восстанавливал недостающие линии по образцу первых двух. Ревель стоял рядом и диктовал расстояния: две короткие, одна длинная, пробел, косая. Терен сердился, что заказчик лезет в ремесло, и всё же бил туда, куда тот показывал. На пятом замке он уже не нуждался в подсказке. Рука запомнила рисунок.

— Читай, — сказала Ольга.

— Я знаю эти удары.

— Теперь знаешь смысл?

— Да.

— Тогда читай вслух.

Клара, музыканты и ближайшие слушатели молчали. Даже торговцы вокруг площади перестали зазывать покупателей. Терен мог бы передать замок Ольге. Мог сказать, что договорное письмо — её ремесло. Мог снова стать только рукой.

Он повернул замок к свету.

— «Сохранить названное в несказанном виде, отделяя при каждом подтверждении один полный год памяти у случайного взрослого из круга слышавших общий звон. Владельца, составителя и свидетеля из выбора исключить. Отделённое удерживать под выгодой до добровольного отказа».

Его голос сорвался не на длинном слове, а на простом: «случайного».

Ольга сверила запись.

— Дальше есть строка.

Терен опустил лампу ещё ниже. Последние знаки лежали под железным краем и читались только в отражении полированной иглы.

— «Исполнитель насечки признаётся прочитавшим всякий знак, воспроизведённый его рукой».

— Вот зачем ему понадобился кузнец, — сказала Ольга. — Не только чтобы замки работали. Чтобы у записи был человек, которого она считает прочитавшим.

Клара смотрела на Терена без торжества.

— Ты это выковал?

— Да.

— Ревель спрятал слова.

— Да.

— Но удары твои.

— Мои.

Ольга перевернула страницу книги.

— На всех восьми ты восстанавливал порванный рисунок?

— На третьем начал. На четвертом ещё сверял. С пятого ковал по памяти.

Слова легли тяжелее молота. До сих пор Терен держался за то, что его обманули: не дали прочесть, спрятали условие, назвали запись украшением. Всё это оставалось правдой. Но была и другая правда. На пяти замках никто не водил его рукой. Он сам запомнил формулу настолько хорошо, что мог выбить её, не глядя на образец. Не понял — не означало не сделал.

— Запиши, — сказал он.

Ольга подняла взгляд.

— Что именно?

— Терен Яров собственноручно воспроизвёл скрытую насечку на восьми замках. На первых двух — по целому рисунку. На третьем и четвертом — восстанавливая порванный. На остальных — по памяти руки. Смысла не прочитал. Проверки у договорного мастера не потребовал.

— Почему?

— Торопился. Хотел закончить восемь дорогих заказов до открытия ярмарки. Ревель сказал, что за чтение возьмут столько же, сколько за железо. Я решил, что украшение не меняет работу замка.

— Ещё.

Он знал, чего она ждёт.

— Мне было выгодно ему поверить.

Ольга записала и это. Потом протянула перо брату.

Терен расписался.

Над площадью ударил третий общий звон.

Замок под его рукой вздрогнул. Из теневой насечки поднялись восемь тонких линий и потянулись в разные стороны ярмарки. Одна уходила к южным весам, одна — к дому Мелии, одна — к ледяной печи. Четыре указывали на глаз, мост, колыбель и саму лиру. Восьмая не пошла наружу. Она обвилась вокруг Теренова клейма на молоте.

Литой Свидетель возник за спиной Клары без шага и шороха. Маска из печатей отражала лампу красными кругами.

— Свойство выяснено, — произнёс дух.

Клара вздрогнула. Музыканты отступили.

— Новое взыскание отменено? — спросила Ольга.

— Не завершено.

— Может ли владелица вставить ключ снова этой ночью?

— Может.

— Тогда нить выберет нового плательщика?

— Продолжит выбор среди допустимых.

Нерия крепче взяла дочь за руку.

— Я не вставлю сейчас, — сказала Клара. — Это достаточно точно?

— До изменения вашего решения, — ответил Литой Свидетель.

Терен указал на линию вокруг молота.

— Что означает восьмая связь?

— Исполнитель насечки признан прочитавшим запись.

— Это делает меня владельцем восьмого замка?

— Нет.

— Плательщиком?

— Нет.

— Тогда кем?

Печати на маске повернулись.

— Стороной, чьё имя удерживает исполнение.

— Если я откажусь от имени?

Ольма резко захлопнула книгу.

— Не отвечай ему, Терен.

— Я задал вопрос духу.

— А я услышала, куда он ведёт.

Литой Свидетель ждал. Он не подталкивал и не предупреждал. Ему было всё равно, какой вопрос человек пожалеет, что произнёс.

Терен изменил формулировку.

— Какие последствия наступят для восьми замков, если имя исполнителя перестанет принадлежать ему?

— Полная запись станет доступна предъявителю общего права.

— Какого права?

— Восьми замков одновременно.

— Их нужно собрать, — сказала Ольма. — Поэтому Ревель гонит владельцев к подтверждению. Он хочет, чтобы замки проснулись и показали себя.

— Вывод не содержится в вопросе, — произнёс дух.

— Я не просила тебя его подтверждать.

Клара сняла замок с пюпитра и протянула Терену.

— Я не отказываюсь от голоса. Но до выяснения всей записи замок будет у тебя. При одном условии.

— Назовите.

— Ты не решишь за меня, что моя работа меньше чужого года. Ты покажешь, чей год держит мой голос, и как его вернуть. Тогда я выберу при человеке, который платил.

— Чужой год не становится меньше от того, что ваша работа велика.

— И моя жизнь не становится пустяком оттого, что Ревель сделал меня соучастницей.

Я хочу увидеть обе стороны цены.

Ольма посмотрела на певицу долго и внимательно.

— Это справедливо. Но ключ останется отдельно.

Клара отдала ключ Ольме, замок — Терену.

— Отдельно.

Терен завернул лиру в кусок войлока и положил в ящик рядом с ключом Сивера. Теперь у него было два замка из восьми. Третий оставался у Корна, четвёртый — открытый дом Мелии. Остальные ждали.

Литой Свидетель начал тускнеть.

— Подожди, — сказал Терен. — Скрытая строка считает меня прочитавшим. Считаешь ли ты, что я действительно понимал её семь лет назад?

— Понимание не записано условием.

— А правда?

— Вы исполнили насечку. Вы не истолковали её.

— Значит, Ревель использовал ложь?

— Составитель назвал запись украшением. Для действия замка рисунок был украшением и условием одновременно.

— Это уклонение.

— Это буквальное содержание.

Дух исчез. На доски опала одна красная печать, но, когда Ольга попыталась поднять её, та рассыпалась тёплым воском.

Клара повернулась к толпе.

— Сегодня я больше не пою.

По площади прокатился недовольный гул. Кто-то потребовал вернуть плату. Кто-то крикнул, что кузнец испортил лучший голос ярмарки. Нерия Ло взобралась на нижнюю ступень помоста.

— Он не испортил. Едва не испортили мою память.

Она подняла руку, на которой уже не было белой нити.

— Я пришла послушать одну песню. Никто не спрашивал, согласна ли я забыть год с дочерью.

Гул изменился. Люди стали смотреть друг на друга, прикидывая, кого нить могла выбрать вместо Нерии. Восторг от песни ещё жил в лицах, но теперь к нему примешивался страх.

Терен закрыл ящик.

— Нам нужно к галерее глаза.

— Сначала закончи мысль, — сказала Ольга.

— Какую?

— Ты прочитал слово под железом. Что изменилось?

Он посмотрел на собственное клеймо на молоте. Восьмая линия исчезла, но металл оставался тёплым.

— Раньше я думал: Ревель спрятал условие, а я дал ему железо. Теперь знаю: он придумал ловушку, но её язык запомнила моя рука. На пяти замках я уже не копировал его рисунок. Я повторял свой удар.

— И?

— И мне придётся отвечать не только за то, что я не знал. За то, почему мне было удобно не знать.

Ольга кивнула. Не простила. Не утешила. Просто открыла книгу и подвинула к нему страницу с признанием.

— Тогда не потеряй это по дороге.

Терен сложил лист, но не спрятал за пазуху. Он поместил его в рабочий ящик поверх двух замков, чтобы каждый раз видеть прежде, чем брать инструмент.

С крыши павильона распорядителей снова поднялась огненная карта. Лира из белой стала синей: начатое взыскание остановлено. Знак пламени тоже оставался синим. Дом Мелии мерцал открытым серебром. Гиря Сивера чернела. Три золотых знака ещё ждали: глаз, колыбель и мост.

Знак глаза вспыхнул первым.

В стороне галереи раздался треск разбитого стекла.

Ольга застегнула сумку.

— Инара Вель либо получила письмо, либо увидела нашу карту.

Терен поднял ящик. После песни площадь казалась оглушительно шумной, хотя никто больше не пел.

— Идём.

— На этот раз что скажешь владелице?

Он посмотрел на Нерию и Асту, всё ещё державшихся за руки, на Клару, оставшуюся без замка, но с голосом, и на подпись под собственным признанием.

— Сначала — цену. Потом — кто её выковал.

Они сошли с помоста и побежали к галерее верных отражений. Над крышами третий звон ещё отдавался в железе, а впереди один за другим лопались зеркала.

Глава 7. Сестра помнит пустоту

Галерея верных отражений стояла между двумя рядами лавок, как узкий стеклянный корабль. Её стены собирали свет ярмарки и возвращали его десятками одинаковых дорожек. Пока Терен и Ольга бежали к ней, внутри лопнуло ещё одно зеркало. Осколки звякнули о каменный пол, но не упали: повисли в воздухе серебряной пылью.

У входа толпились люди. Каждый пытался заглянуть через чужое плечо и одновременно отступал, увидев себя в сотне стекол. Над дверью горел золотой знак глаза. Его зрачок медленно сужался.

— Не входить! — крикнул Терен.

На него оглянулись, но дороги не дали. Тогда Ольга подняла книгу над головой.

— Перепись утрат! Кто останется у зеркал, того запишут свидетелем и возможным плательщиком!

Толпа разошлась мгновенно.

— Это правда? — спросил Терен, протискиваясь к двери.

— Теперь да. Я запишу каждого, кто не ушёл.

В галерее пахло уксусом, которым чистили стекло, и свежей кровью. Инара Вель стояла посреди зала в красном рабочем халате. В одной руке она держала кисть, в другой — ключ. На её левом глазу висел замок размером с орех: тонкая цепочка огибала висок, дужка проходила сквозь серебряную оправу, не касаясь кожи. Правый глаз Инара зажмурила.

Вокруг неё стояли портреты. На каждом была изображена она сама — старше, моложе, смеющаяся, сердитая, с седой прядью, без неё. Лица на холстах поворачивались вслед за живой Инарой. Одно зеркало уже осыпалось на раму, второе треснуло от угла до угла. Осколки обоих кружили над полом и ловили чужие глаза.

У дальней стены сидел юноша с порезанной щекой. Он прижимал к лицу рукав и смотрел на Инару так, будто не узнавал.

— Ключ не поворачивайте, — сказал Терен.

— Поздно, мастер. — Инара не обернулась. — Я уже увидела.

— Что?

— Ложь.

Она подняла кисть. На белом холсте перед ней проступил портрет мужчины в сером плаще. Молодое узкое лицо, медная пуговица с сухой ветвью, рука спрятана за спиной. В зеркале за полотном тот же человек выглядел старше на тридцать лет. Кожа обвисла, рот стал беззубым, но глаза оставались внимательными.

— Посыльный Ревеля, — сказала Ольга.

— Он назвался его сыном, — ответила Инара. — Принёс пластину и велел подтвердить глаз до четвёртого звона. Сказал, иначе я перестану различать настоящие лица.

— На пластине этого нет, — сказал Терен.

— Поэтому я решила проверить его истинный облик.

Ключ торчал в замке на половину оборота. От его головки тянулись прозрачные нити. Они касались зеркал, портретов, лиц у двери. По каждой нити к замку ползло крошечное отражение человеческого глаза.

Терен поставил ящик на пол.

— Что именно вы пожелали семь лет назад?

Инара повернула к нему открытый глаз. Радужка была серой, почти бесцветной. Зрачок сжимался и расширялся не от света, а от каждого лица, на которое она смотрела.

— Видеть человека таким, каков он есть.

— Дословно.

— Я сказала: «Хочу, чтобы ни одно лицо больше не могло солгать моему глазу».

Ольма записала фразу.

— И что делает замок?

— Показывает на портрете то, что человек скрывает.

— Нет, — сказал юноша у стены. — Он показывает худшее.

Инара резко обернулась.

— Фал, молчи.

— На моём портрете ты нарисовала вора. Потому что я однажды взял твой серебряный нож без спросу. Я вернул его через час. Семь лет работаю у тебя, а глаз видит только тот час.

Терен подошёл к юноше. Порез был неглубоким, но кровь уже пропитала рукав.

— Кто разбил зеркала?

— Я. Хотел закрыть их тканью. Они показали меня с ножом в каждой руке.

В висящих осколках действительно повторялся Фал: десятки тонких рук, десятки ножей. Но в одном осколке Терен увидел другое. Юноша подхватывал лестницу, когда та падала на Инару. В другом он всю ночь сидел у печки, суша её испорченные холсты. Эти картины мелькали и тут же уходили под блеск ножей.

— Замок не видит человека целиком, — сказал Терен. — Он ищет лицо, которое не может солгать вашему глазу. Значит, выбирает одну правду и делает её единственной.

— Одна правда лучше красивой лжи.

— Один час вместо семи лет — тоже ложь, — сказала Ольма.

Инара посмотрела на неё. В прозрачной нити, протянутой к Ольме, возник глаз и пополз к замку. На ближайшем пустом холсте проступила женщина у постели. Она держала чью-то руку, но лицо лежащей оставалось белым пятном.

Ольма перестала писать.

Терен шагнул между ней и портретом.

— Не смотрите на сестру.

— Я ничего не выбираю, — ответила Инара. — Глаз показывает сам.

— Тогда выньте ключ.

— Сначала я найду посыльного.

Она повернула ключ ещё на толщину волоса. Золотой глаз над входом мигнул. Прозрачные нити натянулись, и люди снаружи вскрикнули. Из всех отражений одно стало ярче: женщина с корзиной сушёных яблок. Над её плечом возник мальчик лет десяти, затем сделался прозрачным.

Ольма захлопнула книгу и бросилась к двери.

— Женщина с яблоками! Как вас зовут?

— Тая Мирн.

— Кто мальчик?

Женщина посмотрела на пустое место у плеча.

— Какой мальчик?

Ольма схватила её за запястье.

— Тот, чьи сапоги вы зашивали синей ниткой. Тот, кому покупали свистульку у западных ворот.

Тая побледнела.

— У меня дочь.

— У вас был сын?

— Был? — переспросила она так тихо, что слышно стало падение единственной капли крови с рукава Фала.

Прозрачный мальчик у её плеча распался на искры. Они потекли по нити к замку Инары.

— Выньте ключ! — крикнул Терен.

Инара отступила к мольберту.

— Я ещё не повернула.

— Действие уже началось. Вы попросили увидеть посыльного без лжи и подтвердили выгоду портретом. Замок берёт плату.

— Ты остановил лиру своим клеймом. Останови и глаз.

Терен вынул молот. Металл на пятке оставался тёплым после цехового оспаривания.

— Я могу заявить неисправность только раз до рассмотрения. Повторное оспаривание одним клеймом договор сочтёт попыткой уклониться.

— Значит, твоё имя спасло певицу и бесполезно для меня?

— Сейчас речь не о моём имени.

Ольма вернулась от двери. Её лицо стало жёстким.

— Нет, именно о нём ты и думаешь.

Терен не сразу понял, что она обращается к нему.

— Что?

— Ты слышал духа. Потеряешь право на имя — откроется запись. С тех пор ты считаешь, сколько замков можно собрать и как сохранить право мастера. А Тая уже не помнит, был ли у неё сын.

— Я пытаюсь остановить взыскание.

— Тогда спроси пострадавшую, а не железо.

Ольма подвела Таю внутрь. Женщина шла покорно, прижимая корзину к животу. Яблоки в ней пахли дымом и корицей. На ручке болталась деревянная свистулька в форме утки.

— Это чьё? — спросила Ольма.

Тая потрогала игрушку.

— Не знаю. Наверное, положили по ошибке.

— Не говорите ей ответ, — сказала Ольма окружающим. — Нам нужны края года, а не чужая история вместо её памяти.

Она поставила корзину на пол, открыла книгу и присела перед Таей.

— Назовите последний день, который помните ясно перед пустотой.

— Какой пустотой?

— Проведите пальцем по шраму на ручке корзины.

Тая послушалась. Под большим пальцем легла косая борозда.

— Мы упали на мосту, — сказала она. — Корзина покатила. Лиор...

Имя оборвалось. Нить дёрнулась, потянув слово к замку.

Ольма прижала страницу к руке Таи.

— Не ловите лицо. Ловите вещь. Кто вырезал утку?

— Муж. Нет, он вырезал лошадей. Утку просил...

Женщина зажмурилась. По щеке потекла слеза, хотя выражение лица оставалось недоумевающим.

— Тело помнит раньше головы, — сказала Ольма. — Держитесь за шрам. Скажите: был ребёнок, имя пока не возвращается.

— Был ребёнок. Имя пока не возвращается.

Прозрачная нить замедлилась.

Терен опустился рядом и увидел, как она устроена. Это была не белая нить лиры, выбиравшая плательщика. Внутри прозрачной текли изображения: мост, синие сапоги, яблоневый сад, рука мальчика. Замок уже отделял год, перебирая не дни подряд, а всё, что позволяло Тае узнавать сына.

— Он берёт не календарь, — сказал Терен. — Берёт год вокруг лица.

— Потому что чудо Инары оплачивается способностью узнавать человека, — ответила Ольма. — Цена похожа на выгоду.

Она не смотрела на брата.

— Что может удержать нить? — спросил он.

— Не твоя подпись. Свидетели связи. Найди тех, кто знает Таю и ребёнка. Настоящих людей, не отражения.

Терен поднялся и вышел к толпе.

— Кто знает Таю Мирн и её сына?

Несколько человек отвели глаза. Они боялись замка, записи или чужого горя. Терен уже собирался назвать своё клеймо и приказать, но остановился. Ольма была права: приказ мастера снова поставил бы в середину его право, а не жизнь Таи.

— Замок забирает у неё не имя на бумаге, — сказал он громко. — Он отделяет всё, по чему мать узнаёт сына. Если вы знаете их, назовите один настоящий случай. Не лучший и не худший. Тот, который был.

Первой выступила пожилая торговка пряжей.

— Лиор Мирн каждое утро таскал яблоки с нижнего склада и съедал одно по дороге. Тая делала вид, что не замечает, но клала на одно больше.

Нить стала мутнее.

Потом заговорил сапожник:

— Я чинил ему синие сапоги три раза. Он вырастал из них, а мать просила надставить пятку, потому что новые были дороги.

Фал прижал чистую тряпку к щеке и шагнул от стены.

— Я видел мальчика у галереи. Он просил Инару нарисовать его мать королевой яблонь. Инара прогнала его за краску на рукаве.

— Я не прогоняла, — возразила портретчица. — Я велела прийти после закрытия.

— Он ждал. Вы забыли.

На одном из холстов появилось лицо Инары: раздражённое, усталое, потом виноватое. Замок пытался выбрать одно выражение, но свидетельство Фала удерживало все три.

Тая стиснула свистульку.

— Лиор, — сказала она. — Моего сына зовут Лиор.

Нить остановилась. Из неё вырвалась одна искра и вернулась к женщине, но остальные по-прежнему тянулись к глазу.

— Мы удержали край, — сказала Ольма. — Год ещё не отделён полностью. Теперь владелица должна прекратить действие.

Все посмотрели на Инару.

Она стояла у портрета посыльного. Молодое и старое лицо на холсте сменяли друг друга. Ключ подрагивал в её пальцах.

— Если выну, потеряю его, — сказала она.

— Вы потеряете изображение, — ответила Ольма. — Не человека. Мы видели пуговицу, знаем знак, слышали Фала. У вас есть свидетели.

— Свидетели лгут.

— Отражения тоже.

— Мой глаз семь лет спасал людей от обманщиков.

Фал рассмеялся и тут же поморщился от боли.

— Ваш глаз семь лет решал, какая наша ошибка главная. А потом вы называли это правдой.

— Я приютила тебя.

— И каждый раз, когда пропадала монета, видели во мне нож. Даже когда монету находили у себя в кармане.

Инара опустила кисть. На кончике чёрная краска собралась тяжёлой каплей.

— Без замка я снова буду ошибаться.

— Будете, — сказал Терен.

Она зло посмотрела на него.

— Прекрасное утешение.

— Железо не может избавить вас от ошибки. Оно лишь сделало вашу ошибку обязательной для всех. Я должен был знать это раньше.

— Но не знал.

— Не захотел узнать.

Он произнёс это без защиты и почувствовал, как Ольма наконец подняла на него взгляд.

— Ключ можно вынуть без отказа от прежней выгоды, — продолжил Терен. — Тогда новое взыскание остановится, но замок останется действующим. Или вы можете отказаться от глаза совсем. Я не стану выбирать за вас. Только скажу цену: пока вы держите ключ на половине оборота, Тая теряет год, в котором узнавала сына.

Инара посмотрела на мать. Та прижимала свистульку к губам, но не дула, словно боялась услышать незнакомый звук.

— Если я просто выну ключ, год вернётся?

— Действие не завершится, — сказала Ольма. — То, что успело отделиться, придётся возвращать связями, местами и вещами. Если вы откажетесь от старого чуда, откроется путь и к первому плательщику семилетней давности.

— Ты знаешь, кто он?

— Пока нет.

— Тогда вы просите меня отдать глаз неизвестно ради кого.

— Нет. Сейчас мы требуем не брать у Таи. Отказ от старого чуда — отдельный выбор, который вы сделаете перед тем, кто уже заплатил.

Терен услышал в этих словах ответ Кларе. Ольма не уменьшала ни чужой труд, ни чужую потерю. Она раскладывала их рядом и не позволяла одной заслонить другую.

Инара взялась за ключ двумя пальцами.

— Скажи, как вынуть.

Терен подошёл, но не касался замка.

— Поверните назад до первого сопротивления. Не давите. Под головкой есть выемка. Нажмите ногтем и вытяните прямо.

Инара сделала, как он сказал. Ключ вышел. Прозрачные нити оборвались сразу, но не исчезли. Они упали на пол, сохраняя внутри мелкие изображения, будто полосы разрезанного стекла.

Тая пошатнулась. Торговка пряжей подхватила её.

— Лиор, — повторила Тая. — Синие сапоги. Яблоко со склада. Королева яблонь.

— Этого мало, — сказала Ольма. — Но это край. Не давайте ему снова распутиться.

Она записала имена свидетелей и велела каждому явиться после ярмарки к ряду писцов. Затем собрала с пола три прозрачные нити на лист плотной бумаги. Они не прилипали к пальцам, но в каждой дрожали отнятые мгновения.

— Такое можно хранить? — спросил Терен.

— Недолго. До рассвета нужно привязать их к вещам Таи, иначе замок втянет своё обратно или они рассеются.

— У нас ещё четыре замка.

— А у Таи один сын.

— Я не спорю.

— Споришь. Только молча, как всегда.

Инара отдала ключ Ольме, но сам замок с глаза не сняла.

— Старый глаз оставлю до встречи с тем, кто заплатил. Нового действия не будет.

— Запишите это и поставьте знак, — сказала Ольма.

Инара расписалась прямо на обороте портрета посыльного. Потом повернула холст к Фалу.

— Возьми. Ты видел его живьём.

— Я не ворую картины.

— Я отдаю.

— Тогда запишите и это.

Ольма едва заметно улыбнулась и добавила строку. Фал взял портрет обеими руками.

Снаружи золотой знак глаза стал синим. До четвёртого общего звона оставалось совсем немного: на крыше павильона уже разгоралась следующая полоса огня.

Терен закрыл рабочий ящик и потянулся к листу с нитями.

— Я понесу.

Ольма накрыла лист ладонью.

— Ты понесёшь Таину корзину. Нити останутся у меня.

— Почему?

— Потому что ты первым делом смотришь, как они связаны с замком. Я смотрю, чья жизнь внутри.

— Нам нужно понять устройство, иначе мы никого не спасём.

— Нужно. Но ты опять готов бежать к восьмому замку, потому что там твоё имя.

Терен оглянулся. Инара промывала порез Фала. Тая сидела на низкой скамье, а трое знакомых по очереди рассказывали ей о Лиоре. С каждой историей лицо матери становилось не спокойнее, а испуганнее: она понимала размер того, чего едва не лишилась.

— Если Ревель соберёт восемь замков, пострадают все, — сказал он.

— Если мы ради этого оставим Таю с пустым годом, она уже пострадала. «Все» — удобное слово. У него нет лица.

— Что ты хочешь от меня?

— Чтобы после каждого замка мы искали человека, который заплатил. Не потом, когда спасём твоё клеймо. Сразу.

— До седьмого звона не успеем найти десятерых.

— Тогда найдём столько, сколько сможем. Но не назовём их побочным ущербом.

Он хотел ответить, что никогда так не называл. И вспомнил свои слова у башни: десять лет у десяти взрослых. Число было легче человека. Оно помещалось в расчёт, не задавало вопросов и не смотрело на него глазами сестры.

— Хорошо, — сказал Терен. — После глаза — Тая. После лиры — тот, кто отдал год Кларе. После огня — его плательщик.

— И Ольма Ярова после пятого замка.

Её имя прозвучало как запись в книге.

— Я тебя не забыл.

— Ты забыл спросить.

— О чём?

Ольма взяла корзину и достала из неё свистульку. Покрутила в пальцах, словно примеряла к собственной пустоте.

— Что я помню о том годе, кроме отсутствия матери.

Терен молчал.

— Видишь? — сказала она. — Ты решил, что мой потерянный год целиком состоит из её болезни и смерти. Потому что это главное для тебя. А я не знаю, кем работала той зимой, с кем ссорилась, чему смеялась. Не знаю, красила ли стену у себя дома или всё ещё жила над твоей кузницей. Не знаю, любила ли кого-нибудь. Пустота не имеет одного лица, Терен. Она съедает обыденное первым, и никто не замечает.

Он попытался вспомнить тот год за неё. Ольма приходила в кузницу по утрам — или это было раньше? Носила жёлтые рукавицы — нет, жёлтые она купила после похорон. Однажды смеялась над голубем, свившим гнездо в ведре. Когда? Он не знал.

— Я могу рассказать всё, что помню.

— Можешь. Но сначала признай: ты тоже помнишь не год. Несколько дней вокруг пожара и смерти.

Терен увидел белый жар под крышей, мать на лавке, Ольму с мокрым полотном. Эти картины семь лет заслоняли месяцы по обе стороны. Он называл их памятью, хотя держал только самые острые края.

— Да, — сказал он. — Я помню куски.

— Вот поэтому нужны люди, места и вещи. Не один виноватый брат, который перескажет мне свою версию.

— Кого искать?

Ольма раскрыла книгу на незавершённой шестой записи. Внизу страницы стояли три знака, прежде казавшиеся случайными чернильными пробами: лист мяты, катушка и полумесяц.

— Эти отметки сделала я перед тем, как поняла, что запись обо мне. Мята — аптекарша Сена. Катушка — мастерская швей на Долгой улице. Полумесяц я пока не понимаю. После Таи пойдём к Сене.

— А галерея? Колыбель, мост?

— Галерея остановлена. Колыбель и мост ещё не вспыхнули. Если вспыхнут — побежим. Пока есть четверть звона, мы вернём человеку имя сына и начнём искать мой год.

Терен взял корзину Таи. Она оказалась тяжелее его ящика, хотя внутри лежали только яблоки.

У выхода Ольма остановилась перед портретом, который замок начал писать с неё. Женщина у постели всё ещё держала руку белого пятна. Теперь за её спиной проступали полки с бутылками и ветка мяты в глиняной кружке. В дальнем углу темнела мужская фигура с молотом, обращённая к двери.

— Это ложь? — спросил Терен.

— Это одна правда, которую глаз выбрал вместо остальных.

Она сняла холст с подставки и повернула к стене.

— Поэтому не будем ни верить ему, ни разбивать. Возьмём как улику.

Фал помог завернуть портрет в серую ткань. Инара стояла рядом без кисти. С повернутым ключом в ладони она казалась старше, но впервые смотрела на ученика обоими глазами — живым и чудесным — и ни один не мог решить за неё, кем он был.

На улице Тая поднялась им навстречу.

— Я пойду сама, — сказала она. — К ряду писцов.

— Пойдёте не одна, — ответила Ольма. — Трое свидетелей проводят вас. По дороге каждый назовёт место, связанное с Лиором. Не старайтесь вспомнить всё сразу.

— А если не вернётся?

Ольма не стала обещать.

— Тогда мы запишем края и будем открывать путь дальше. Сегодня вы уже не дадите замку убедить вас, что сына не было.

Тая кивнула и взяла корзину у Терена. На миг их пальцы встретились. Женщина посмотрела на него без узнавания.

— Вы сделали этот замок?

— Да.

— Тогда запомните его имя, если я снова забуду. Лиор Мирн.

— Запомню.

— Не как кузнец. Как человек.

— Как человек, — повторил Терен.

Тая ушла со свидетелями. Деревянная утка билась о ручку корзины при каждом шаге.

Над ярмаркой раздался первый предварительный удар четвёртого звона. Он был негромким, предупреждающим. Огненная карта показала синий глаз рядом с синей лирой и пламенем. Золотая колыбель качнулась, но не вспыхнула. Мост оставался неподвижен.

— Аптекарьша Сена держит лавку у восточного колодца, — сказала Ольма. — Если не переехала за семь лет.

— Сначала найду Лиора и скажу ему, что произошло.

Ольма застегнула книгу.

— Вот теперь ты услышал.

— Я слышал и раньше.

— Раньше ты слышал число.

Они двинулись к ряду писцов. Терен нёс рабочий ящик, Ольма — лист с прозрачными нитями. Между ними оставалось полшага, но впервые за ночь он не пытался сократить это расстояние извинением.

Он называл про себя имена: Рада и Вень. Лана и Дея. Нерия и Аста. Тая и Лиор. Ольма. Не десять лет у десяти взрослых, а люди, каждому из которых придётся вернуть не пустую меру времени, а улицы, запахи, ссоры, работу и лица.

У ряда писцов навстречу им бежал мальчик в коротких синих сапогах. Один был надет на пятки свежей кожей.

— Мама! — кричал он. — Где моя мама?

Тая обернулась на голос. Сначала её лицо осталось чужим. Потом деревянная утка ударилась о корзину, сапожник назвал мост, торговка пряжей — лишнее яблоко, и Тая сделала один неуверенный шаг.

— Лиор, — сказала она.

Мальчик бросился к ней.

Прозрачные нити на листе Ольмы дрогнули и потеплели. Одна рассыпалась светом, который не полетел обратно к замку, а лёг на руки матери и сына.

Ольма записала время, место и имена свидетелей. Потом коснулась пальцем незавершённой строки о собственном годе.

— Теперь Сена.

Терен посмотрел на сестру. Он всё ещё хотел бежать к оставшимся замкам. Хотел успеть раньше Ревеля, собрать железо, открыть полную запись и найти способ сохранить имя. Желание никуда не исчезло. Но рядом Лиор рассказывал матери, как потерял её в толпе, а она слушала каждое слово, будто училась узнавать сына заново.

— Теперь Сена, — согласился Терен.

Четвёртый звон готовился над крышами, а они пошли не к золотому знаку и не к мастерскому праву, а к восточному колодцу — искать один обычный год, которого не было.

Глава 8. Дом без ссоры

У восточного колодца пахло мятой, мокрой верёвкой и железом. Вода ходила в глубине чёрным кругом, а над воротом аптекарской лавки висел медный полумесяц. Терен увидел его прежде, чем Ольма успела открыть книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.